

Годъ 1.

1907.

ОТКЛЮЧКИ

НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ

— ≡ ≡ ≡ И ≡ ≡ ≡ —

ЕГО ДОСУГИ.

№ 12

Декабрь

ТИПОГРАФІЯ К. А. БАРАНЪЕВА, г. ВОЛОГДА.

Редакторъ-издатель А. Ѳ. Знаменскій.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайше утвержденное положеніе совѣта министровъ.

О включеніи въ составъ училищныхъ совѣтовъ въ области Войска Донскаго непремѣнныхъ членовъ областного и окружныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, а въ губерніяхъ Тобольской и Томской—крестьянскихъ начальниковъ. Совѣтъ Министровъ полагалъ.

На основаніи статьи 11 Основныхъ Государственныхъ Законовъ (св. зак. т. I ч. 1, изд. 1906 г.), постановить:

1. Въ составъ училищныхъ совѣтовъ въ области Войска Донскаго входятъ, на правахъ членовъ, непремѣнные члены мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій: областного—въ областной училищный совѣтъ и окружныхъ—въ окружные училищные совѣты, по одному въ каждый совѣтъ, по указанію областного по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

2. Въ составъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ въ Томской и Тобольской губерніяхъ входятъ, на правахъ членовъ, подлежащіе крестьянскіе начальники, участвующіе въ засѣданіяхъ названныхъ совѣтовъ при разсмотрѣніи дѣлъ, касающихся ввѣренныхъ имъ участковъ, по принадлежности.

Государь Императоръ, 1-го іюля 1907 г., положеніе сіе Высочайше утвердить соизволилъ.

Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

(27-го іюля 1907 года, № 52). ПЕРЕМѢЩАЕТСЯ директоръ народныхъ училищъ Вологодской губерніи, коллежскій совѣтникъ **Бѣлый**—директоромъ народныхъ училищъ Херсонской губерніи.

По Киевскому учебному округу. ПРОИЗВОДЯТСЯ, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Подольской губерніи 4-го района **Мицевичъ**—съ 1-го апрѣля 1905 г., изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: врачъ Бѣлоцерковскаго двухкласснаго начальнаго еврейскаго училища **Гальберштадтъ**—съ 11-го ноября 1906 г.; штатный смотритель Могилевъ-Подольскаго двухкласснаго городского училища **Пантюховъ**—съ 1-го февраля 1906 г.; штатный учитель Киевскаго четырехкласснаго городского имени Наслѣдчика Цесаревича Алексѣя училища **Абраменко**—съ 22-го сентября 1906 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: почетный смотритель Прилукскаго трехкласснаго городского училища **Тарновскій**—съ 3-го іюля 1883 г.; врачъ Киевскаго 3-го городского двухкласснаго училища **Соколовскій**—съ 1-го февраля 1905 г.; учитель Киевскаго 1-го городского двухкласснаго училища **Богородицкій**—съ 27-го апрѣля 1898 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учитель Козелецкаго городского трехкласснаго училища **Дудка**—съ 1-го апрѣля 1902 г.; учитель Радомысльскаго двухкласснаго городского училища **Богацкій**—съ 12-го октября 1906 г.; учитель-инспекторъ Шостенскаго трехкласснаго городского училища **Лебедь**—съ 24-го августа 1902 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: учитель Киевскаго 3-го городского двухкласснаго училища **Конопацкій**—съ 16-го октября 1904 г.; учитель Острожскаго двухкласснаго городского училища **Столярець**—съ 20-го января 1902 г.; почетный смотритель Новозыбковскаго трехкласснаго городского училища **Терлецкій**—съ 10 октября 1903 г.; учитель Могилевъ-Подольскаго двухкласснаго городского училища **Звоиницкій**—съ 1-го января 1905 г.; учитель Киевскаго 1-го городского двухкласснаго училища **Бѣда**—съ 13-го августа 1904 г.; учитель Глуховскаго трехкласснаго городского имени Федора Терещенко училища **Степановъ**—съ 6-го января 1906 г.; бывшій учитель Нѣжинскаго Александровскаго греческаго училища **Антоненко**—съ 1-го февраля 1902 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учитель Барскаго двухкласснаго городского училища **Зворскій**—съ 1-го февраля 1904 г.; учитель Уманскаго однокласнаго 2-го приходскаго училища **Хохоль**—съ 1-го іюня 1905 г.; въ *коллежскіе*

регистраторы: бывший учитель приготовительнаго класса Ровенскаго двухкласснаго городского училища **Вотіевскій**—съ 15-го сентября 1903 г.; завѣдывавшій Кіевскимъ городскимъ приходскимъ имени В. А. Жуковскаго училищемъ **Ожеговскій**—съ 1-го августа 1905 г.; учитель Пполянскаго двухкласснаго приходскаго училища Звенигородскаго уѣзда **Воскресенскій**—съ 11-го декабря 1896 г.; учитель Кіево-Плосскаго мужскаго городского приходскаго училища **Воловиць**—съ 28-го сентября 1901 года.

УТВЕРЖДАЮТСЯ въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго секретаря*: сверхштатные учителя Глуховскаго трехкласснаго городского училища Ѳедора Терещенко: **Трескинъ**—съ 1-го іюля 1903 г. и **Куликъ**—съ 10-го октября 1902 г.; учитель Борзенскаго четырехкласснаго городского училища **Романенко**—съ 1-го января 1903 г.; *губернскаго секретаря*: бывший учитель Звенигородскаго двухкласснаго городского училища **Сенькевичъ**—съ 15-го сентября 1901 г.; учитель Кіевскаго 3-го городского двухкласснаго училища **Бондаренко**—съ 1-го августа 1902 г.; учитель Кіевскаго городского двухкласснаго училища имени Н. Х. Бунге **Петренко**—съ 1-го августа 1902 г.; учитель Острожскаго двухкласснаго городского училища **Клочко-Жовниръ**—съ 1-го августа 1901 г.

По Казанскому учебному округу. ПРОИЗВОДИТСЯ, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учитель-инспекторъ Царевскаго городского трехкласснаго училища **Рубцовъ**—съ 1-го іюля 1906 г.

УТВЕРЖДАЮТСЯ въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: врачъ Астраханскаго 4-го городского четырехкласснаго училища **Кораблевъ**—съ 28-го ноября 1904 г., по степени доктора медицины; *коллежскаго регистратора*, учитель чистописанія и рисованія Курмышскаго городского трехкласснаго училища **Арвадьевъ**—съ 14-го февраля 1902 г.

По управленію учебными заведеніями Приамурскаго края. ПРОИЗВОДЯТСЯ, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Амурской области **Васильевъ**—съ 1-го марта 1906 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учитель Хабаровскаго Николаевскаго городского шестикласснаго училища, **Целяничкинъ**—съ 5-го сентября 1906 г.; изъ ти-

тулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учитель Хабаровскаго Николаевскаго городского шестикласснаго училища **Лукашевъ**—съ 9-го сентября 1903 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учитель Хабаровскаго Николаевскаго городского шестикласснаго училища **Соколовъ**—съ 17-го мая 1904 г.; сверхштатный учитель Владивостокскаго городского училища **Большаковъ**—съ 28-го октября 1905 г.

УТВЕРЖДАЮТСЯ въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учитель-инспекторъ Никольскъ-Уссурийскаго городского шестикласснаго училища **Родинъ**—съ 1-го сентября 1902 г.; *коллежскаго секретаря*: учитель Владивостокскаго городского трехкласснаго училища **Вилькъсъ**—съ 31-го мая 1901 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: старшіе учителя: 1-го Чиндантайскаго двухкласснаго училища, **Буссель**—съ 19-го апрѣля 1904 г., Читинскаго двухкласснаго училища, **Шубинъ**—съ 1-го августа 1904 г., Догъ-Инскаго двухкласснаго приходскаго училища, **Куракинъ**—съ 5-го октября 1906 г.

(7-го августа 1907 года, № 54). НАЗНАЧАЕТСЯ директоръ народныхъ училищъ Оренбургской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Тарнавскій**—директоромъ Коростышевской учительской семинаріи.

По Западно-Сибирскому учебному округу. ПРОИЗВОДЯТ. СЯ за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: первый учитель Зайсанскаго трехкласснаго городского училища **Жилинъ**—съ 1-го октября 1905 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, учитель Омскаго пятикласснаго городского училища **Созиновъ**—съ 9-го апрѣля 1902 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя городскихъ приходскихъ училищъ: Тюменскаго Николаевскаго, **Палинъ**—съ 26-го октября 1902 г. и Сургутскаго (завѣдывающій) **Разумовскій**—съ 1-го сентября 1905 г.

УТВЕРЖДАЮТСЯ въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*: инспекторъ народныхъ училищъ Тобольской губерніи **Кантовъ**—съ 1-го іюля 1903 г.

(10-го августа 1907 года, № 55). По московскому учебному округу. ПРОИЗВОДЯТСЯ за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ съ *статскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Рязанской губерніи **Жаворонковъ**—съ 1-го марта 1906 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*:

инспекторъ народныхъ училищъ Московской губерніи **Федоровъ**—съ 1-го іюля 1905 г.; изъ коллежскихъ ассесоровъ въ *надворные совѣтники*: учитель-инспекторъ Пронскаго городского училища **Крыловъ**—съ 1-го іюля 1904 г.; учитель Пронскаго городского училища **Романцевъ**—съ 1-го іюля 1902 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассесоры*: учитель Скопинскаго городского училища **Михайловъ**—съ 1-го января 1903 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учитель Спасскаго городского училища **Федяевъ**—съ 1-го августа 1902 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари* учитель Данковскаго городского приходскаго училища **Шевляковъ**—съ 12-го февраля 1902 г.

УТВЕРЖДАЮТСЯ въ чинахъ, со старшинствомъ, *коллежскаго секретаря*: учителя городскихъ училищъ: Михайловскаго, **Жунахинъ**—съ 1-го августа 1901 г.; Рязскаго, **Щербаковъ**—съ 14-го августа 1902 г., Пронскаго, **Зиминъ**—съ 21-го августа 1901 г.

(18-го августа 1907 года, № 56). **НАЗНАЧАЕТСЯ** инспекторъ народныхъ училищъ Минской губерніи, статскій совѣтникъ **Лавровъ**—директоромъ Поневѣжской учительской семинаріи.

(24-го августа 1907 года, № 57). **НАЗНАЧАЕТСЯ** директоръ народныхъ училищъ Курляндской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Павловъ**—директоромъ Вольмарской учительской семинаріи.

УВОЛЬНЯЕТСЯ отъ службы, согласно прошенію, начальникъ Плоцкой учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Браиловскій*, съ мундиромъ означенной должности присвоеннымъ.

По С.-Петербургскому учебному округу. **ПРОИЗВОДЯТСЯ** за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учитель Устьемьсольскаго городского училища **Курбатовъ**—съ 2-го іюля 1903 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя приходскихъ училищъ: Вологодскихъ: 4-го **Пономаревъ**—съ 1-го января 1905 г.; 5-го **Майнистовъ**, 6-го **Сусловъ**, 7-го **Ишеницынъ**, Устюжнскаго, **Шишовъ**, всѣ четверо—съ 5-го октября 1906 г.

УТВЕРЖДАЕТСЯ въ чинѣ, со старшинствомъ: *коллежскаго секретаря*: учитель С.-Петербургскаго Вознесенскаго городского училища **Павловъ**—съ 1-го іюля 1902 г.

По управленію учебными заведеніями Приамурскаго края. УТВЕРЖДАЕТСЯ въ чинѣ коллежскаго секретаря, со старшинствомъ, учитель Нерчинско-заводскаго городского четырехкласснаго училища Гладышевъ—съ 1-го августа 1903 г.

Циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія.

(7-го іюля 1907 года, № 14059). *Объ улучшеніи общей постановки учебно-воспитательнаго дѣла.*

Учебная и воспитательная стороны школьнаго дѣла на столько тѣсно связаны между собою, что нельзя говорить объ одной изъ нихъ, не упоминая о другой; правильная постановка учебнаго дѣла имѣетъ глубокое вліяніе на всю психологію ученика, не только дисциплинируя его мысль и обогащая знаніями, но и развивая его волю, способность и любовь къ труду, а, слѣдовательно, и возвышая его нравственныя качества. Но поставить хорошо учебную часть въ школѣ, въ которой не обращаютъ вниманія на воспитательныя задачи, невозможно: ученикъ распушенный, не привыкшій владѣть своими настроеніями, не пріученный къ исполненію своихъ обязанностей, не имѣющій твердаго сознанія долга и чести, не можетъ воспользоваться результатами даже хорошо постановленнаго преподаванія, такъ какъ ученіе требуетъ тѣхъ именно качествъ, которыя у него отсутствуютъ.

Эти основныя положенія всякой школы въ нашей школѣ сознавались не всегда и не вездѣ съ достаточною ясностью, послѣдствіемъ чего явилось въ недавнемъ прошломъ такое состояніе школы, которое граничило съ полнымъ ея разложеніемъ.

Признавая поэтому безусловно необходимымъ поднять, и не медля, учебно-воспитательную часть въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, я, независимо отъ принятыхъ уже въ истекшемъ году совмѣстными усиліями министерства и содѣйствовавшаго ему педагогическаго персонала мѣръ, считаю нужнымъ, предъ началомъ новаго учебнаго года, предложить къ руководству начальникамъ и совѣтамъ учебныхъ заведеній слѣдующія указанія:

1) Преподаватель, приступая съ начала года къ своему дѣлу, долженъ имѣть строго продуманный курсъ, кото-

рый онъ будетъ проходить съ своими учениками, составлен- ный примѣнительно къ уровню способностей и предваритель- ной подготовкѣ его учениковъ. Только при этомъ условіи онъ можетъ требовать отъ учениковъ вдумчиваго и созна- тельнаго усвоенія предлагаемаго имъ матеріала. Въ началѣ каждаго учебнаго года преподаватель, руководствуясь утверж- денными министерствомъ учебными планами и примѣрными программами, обязанъ представить совѣту свою разработан- ную программу, которая заключала бы въ себѣ обязательный минимумъ, подлежащій безусловному усвоенію классомъ. Лучше не гнаться за подробностями, мелочами, но дать то; что дѣйствительно и прочно будетъ усвоено, такъ какъ нич- тотакъ не деморализуетъ учениковъ, какъ предъявленіе къ нимъ большихъ требованій, которыя потомъ, за невозможностью ихъ выполнить, сводятся къ однимъ пожеланіямъ.

Необходимо къ ученику воспитать сознаніе, что *тре- буемое отъ него безусловно должно быть исполнено*. Это нисколь- ко не мѣшаетъ, если окажется у преподавателя свободное время отъ усвоенія обязательнаго для учениковъ курса, по- полнять изъ знанія, *не смѣшивая того, что они могутъ и что имъ полезно знать, съ тѣмъ, что они знать должны*.

При этомъ требованія учителя отъ учениковъ должны быть *опредѣленны*, такъ какъ ничто такъ не понижаетъ рабо- тоспособность учениковъ, какъ невыясненность требованій пре- подавателя, при которой ученикъ никогда не можетъ быть увѣреннымъ, что онъ усвоилъ все, что обязанъ былъ усвоить.

2) Какъ преподаватели, такъ и классные наставники и директора должны обратить самое серьезное вниманіе на рав- номѣрность распредѣленія труда, падающаго на учениковъ. Въ этомъ отношеніи наблюдается въ настоящее время рядъ упущеній. Съ одной стороны, нѣкоторые преподаватели, крайне медленно проходя курсы въ началѣ года, во вторую половину начинаютъ задавать непосильные для учениковъ уроки, а съ другой, вслѣдствіе отсутствія соглашенія между преподавателями, одни дни недѣли оказываются для учени- ковъ очень легкими, тогда какъ подготовка къ другимъ тре- буетъ крайняго напряженія.

Но, даже при правильномъ распредѣленіи матеріала, замѣчается неравномѣрность работы учениковъ, объясняемая недостаточностью контроля ихъ знаній.

Привычка къ постоянному труду и исполненію обязанностей вырабатывается не сразу и поэтому, если преподаватель рѣдко спрашиваетъ и плохо провѣряетъ знанія учениковъ, то многіе изъ нихъ, по свойственной ихъ возрасту беззаботности, запускаютъ занятія, а потомъ вынуждены работать сверхъ силъ, при чемъ, однако, и при усиленномъ трудѣ, не всегда въ состояніи наверстать упущенное.

Этотъ недочетъ частью обуславливается переполненностью классовъ, противъ чего министерствомъ приняты мѣры какъ предоставленіемъ широкаго простора общественной и частной инициативѣ въ открытіи среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и установленіемъ комплекта учениковъ въ классѣ (циркуляръ 16-го мая 1907 г., № 10316), частью же тѣмъ предразсудкомъ, который, въ настоящее время, очень распространенъ и по которому считаютъ, что спрашиваніе является только средствомъ контроля отдѣльныхъ учениковъ, ничего не дающимъ классу. Дѣйствительно, неумѣлый преподаватель, спрашивая ученика, ничего не даетъ ему новаго, а классъ оставляетъ въ полномъ бездѣйствіи, но, вѣдь и при объясненіяхъ плохого учителя, классъ спитъ или шалитъ. Дѣло, слѣдовательно, не въ *спрашиваніи* или *объясненіи*, а въ умѣннн учителя: въ рукахъ опытнаго педагога, спрашиваніе есть одно изъ сильныхъ средствъ для усвоенія учениками курса, и путемъ умѣлой постановки вопросовъ учитель не только заставляетъ спрашиваемаго ученика дать себѣ и ему отчетъ въ своихъ знаніяхъ, но и возбуждаетъ активную работу всего класса.

Поэтому министерство признаетъ въ высокой степени важнымъ постоянную провѣрку знаній учащихся путемъ разумныхъ спрашиваній какъ отдѣльныхъ учениковъ, такъ и всего класса, и принятіе неотложныхъ мѣръ къ тому, чтобы ученики съ самаго начала года не запускали занятій.

3) Необходимо самымъ рѣшительнымъ образомъ съ начала учебнаго года потребовать отъ учениковъ правильнаго посѣщенія классовъ. Частыя манкировки отдѣльныхъ учениковъ не только мѣшаютъ правильному ходу занятій всего класса, деморализуютъ учащихся, но, при недостаточномъ надзорѣ дома, даютъ возможность ребенку или юношѣ проводить время въ полной праздности и затягиваютъ ихъ въ такую среду, которая часто ведетъ ихъ и къ физической и

нравственной гибели Администрація учебныхъ заведеній должна считать своимъ долгомъ предупрежденіе такихъ губительныхъ для вѣранныхъ ихъ руководству учениковъ послѣдствій, а относительно тѣхъ, которые не желаютъ исполнять категорически предъявленныхъ имъ требованій, обязана руководствоваться циркуляромъ отъ 6-го января 1907 г. за № 244.

Но достигнуть благопріятныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи можно только тогда, когда сами педагоги будутъ строго исполнять лежащій на нихъ долгъ. Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что въ послѣдніе годы случаи манкировокъ самихъ преподавателей весьма участились и по причинамъ далеко не всегда уважительнымъ. Никакія слова, обращенныя къ ученикамъ, не будутъ имѣть дѣйствія, пока въ своихъ преподавателяхъ они не увидятъ образца исполненія долга. Ничто такъ не воспитываетъ, какъ живой примѣръ, и поэтому министерство ожидаетъ, что въ наступающемъ году учебный персоналъ своимъ примѣромъ облегчитъ ученикамъ исполненіе тѣхъ требованій, которыя къ нимъ будутъ предъявлены.

4) Признавая, что улучшеніе постановки учебнаго дѣла, усиленіе умственной работы учениковъ не можетъ не отразиться благопріятно на воспитательныхъ задачахъ школы, министерство въ то же время обращаетъ особенное вниманіе педагогическаго персонала на необходимость глубокаго изученія въ школѣ русской исторіи, языка и литературы. Многія явленія, характеризующія недочеты нашей школы, обусловливаются недостаточнымъ знакомствомъ учащейся молодежи съ великимъ прошлымъ ихъ общаго отечества. Вдумчивое и серьезное изученіе этого прошлаго воспитываетъ въ учащихся тѣ чувства, которыя необходимы для полезной ихъ дѣятельности въ предстоящей имъ жизни и безъ которыхъ они не могутъ быть полезными членами государства.

Опредѣленія отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Павловъ, Н.* Сборникъ задачъ и численныхъ примѣровъ для начальнаго обученія ариметикѣ. Ч. II. 12-е изд., А. А. Дубровина. Казань. 1907 г. Стр. 100. Цѣна 20 коп.“

— „*Пуццьковичъ, Ѡ. Ѡ.* Географія для народныхъ и другихъ низшихъ училищъ. Переработалъ *Н. А. Зананковъ*. Изд. 23-е. С.-Пб. 1907. Стр. 175+1 карта. Цѣна 50 коп.“

б) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Державинъ, Ал.* Подъ кровомъ церкви. Сборникъ стихотвореній. Изд. И. Л. Тузова. С.-Пб. 1907. Стр. 118. Цѣна 40 коп.“

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Вѣрочка дома. Рассказъ. Изд. ред. журн. «Юная Россія» (Библиот. «Для семьи и школы»). М. 1907. Стр. 112. Цѣна 40 коп.“

— „*Носиловъ, К. Д.* Таня Логай. Рассказъ изъ жизни сѣверныхъ инородцевъ. 2-е изд. ред. журн. «Юная Россія». (Библиот. «Для семьи и школы»). М. 1907. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Федоровъ-Давыдовъ, А. А.* И слабые, и сильные. Рассказы. Издатель В. С. Спиридоновъ. М. 1907. Стр. 66. Цѣна 40 коп.“

2. Допустить условно слѣдующія книги:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Ельцовъ, Е. В.* Записки по анатоміи человѣка. Изд. А. С. Панафидиной. М. 1907. Стр. 39. Цѣна 30 коп.“ (для городск. и 2-хвл. сельск. училъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Курятиковъ, И.* Грамматика для народныхъ училищъ. 7-е, испр. изд., бр. Башмаковыхъ. С.-Пб. 1907. Стр. 112. Цѣна 25 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты авторомъ во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— 1) Журналъ „Домашняя цортниха. Выпуски 1 и 2 за 1906 г. Съ альбомами модъ“—признать заслуживающимъ допущенія въ фундаментальныя библіотеки женскихъ профессиональныхъ школъ и классовъ.

— 2) Книгу „*P. Ванъ-дерб-Борнтъ*. Торговля и торговая политика. Перев. съ нѣм. подъ ред. *E. Рагозина*. 2-е изд С.-Пб. 1905. Цѣна 2 руб.“—признать заслуживающей допущенія въ фундаментальныя библіотеки тѣхъ учебныхъ заведеній министерства, въ которыхъ преподаются коммерческія науки.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— „*Посвященіе, E.* Пустыня. Очерки изъ жизни еивандскихъ отшельниковъ. Изд. 2-е, испр., И. Л. Тузова. С.-Пб. 1907. Стр. 435. Цѣна 1 руб.“.

— „Разсказъ депутата Федорова. Изд. газеты «Русское Чтеніе». С.-Пб. 1907. Стр. 42. Цѣна 30 коп.“.

— Справочная книжка о переселеніи за Уралъ. Съ картой. Изд. Переселенческаго Управленія. Вып. XXXVI. Свѣдѣнія, необходимыя каждому хозяину, залумавшему переселеніе въ Сибирь, и каждому ходоку. С.-Пб. 1907. Стр. 105“.

— „*Хавкина, Л. Б.* Индія. Популярный очеркъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1907. Стр. 206. Цѣна 80 коп.“

Камо грядеши?

(Изъ досюговъ сельскаго учителя).

Жестокія казни придумалъ Неронъ.
Среди христіанъ небывалый уропъ:
Не разъ раскрывались тюремныя двери,
Не разъ пировали свирѣпыя звѣри,
Багрила арену горячая кровь...
Но «хлѣба и зрѣлищъ» слышалось вновь.

Лилось въ подземельи священное пѣнье:
«Въ часъ смерти, Всевышній, пошли намъ теріиъне,
«Чтобъ видѣли силу Твою палачи,
«Чтобъ жпзнь наша гасла, какъ пламя свѣчи,
«Какъ чистая жертва святого ученья,
«Чтобъ міръ обновился чрезъ наши мученья».

Толпа христіанъ приступила къ Петру:
— «На казни насъ всѣхъ поведутъ по утру...
— «Кого же ты будешь пасти здѣсь, учитель?
— «Тебя истерзаетъ жестокій мучитель...
— «Иди же ты къ стаду Христовыхъ овецъ!
— «Подальше отъ Рима спасайся, отецъ!»!

Онъ всѣхъ предстоящихъ окинулъ глазами,
Онъ руки надъ ними простеръ со слезами;
Во имя Христа осѣнилъ ихъ крестомъ...
За патству усердно молился потомъ...
И молвилъ: «Пусть казни никто не страшится!
Пусть, Господи, воля Твоя совершится!»!

И вышелъ изъ Рима, молитву творя.---
На синемъ востокѣ зардѣлась заря.
Проснулись въ долинѣ воздушные хоры.
Ужъ солнце всходило на ближнія горы.
Онъ видитъ—въ долину спускается шаръ...
Въ грудь старца проникли и холодъ и жаръ.

Все ближе къ нему подплывало свѣтило;
Сосѣдную роцу уже охватило.
И жадно такъ смотреть Апостоль впередъ:
Въ сіяніи солнечномъ Кто-то идетъ...
И старецъ затрясся, упалъ на колѣни..
Исчезли сомнѣнья, какъ легкія тѣни:

Въ сіяніи солнца явился Христось.
Смиранный Апостоль молитву вознесъ,
Промолвивши: «Камо грядеши, Учитель»?
— «О, Камень, тебя соблазнилъ искустель:
«Ты Римъ оставляешь въ мірской суетѣ,
«Такъ снова распятыся иду на крестѣ».

И обмеръ Апостоль, лежитъ безъ движенья...
Тому, что свершилось съ нимъ, нѣтъ выраженья.
Воспрянулъ и смотреть—Спаситель незримъ..
Взявъ пастырскій посохъ, вернулся онъ въ Римъ.
Тамъ долго вѣщалъ онъ святое ученье,
И крестное принялъ смиренно мученье.

П. Вересовъ.

О занятіяхъ въ начальной школѣ съ трех- голичнымъ курсомъ по земледѣлію и по природовѣдѣнію.

Занимаясь нѣсколько годовъ въ начальной школѣ и проходя съ учащимися положенную программу, я съ каждымъ годомъ все болѣе убѣждался, что начальная школа не даетъ своему питомцу ровно никакихъ познаній о жизни его родимаго поля и почти нисколько не освѣщаетъ свѣтомъ науки явленій окружающаго его міра. А вѣдь не должно подлежать никакому сомнѣнію, что какъ для городского, такъ и для деревенскаго мальчика—знать какъ живетъ поле, что для него полезно и вредно, при какихъ условіяхъ поле можетъ дать человѣку большее или меньшее количество продуктовъ, знать отъ чего происходятъ явленія окружающаго міра и какъ эти явленія между собою связаны—очень важно; даже больше того—знать это прямо необходимо. Подобныя знанія важны не только сами по себѣ, но еще больше пожалуй потому, что они ставятъ человѣка на извѣстный пьедесталь, поднимаютъ его въ высъ, откуда онъ своимъ просвѣтленнымъ взоромъ охватываетъ большее пространство прекраснаго Божьяго міра. А если еще при сообщеніи подобныхъ знаній мы пробудимъ въ дѣтяхъ любовь къ міру и землѣ, откроемъ имъ величавую простоту и красоту зависимости явленій другъ отъ друга въ мірѣ, то какая прекрасная цѣль будетъ достигнута!

Возвращаясь къ началу своей статьи. вмѣстѣ съ закрадывавшимся сомнѣніемъ, что школа даетъ учащимся мало, во мнѣ стало все сильнѣе и сильнѣе зарождаться желаніе придти

къ дѣтямъ на помощь и приподнять хоть немножко завѣсу, скрывающую отъ нихъ тайны природы, тайны успѣшнаго веденія сельскаго хозяйства. Но приступить къ дѣлу мнѣ на первыхъ порахъ мѣшало сомнѣнiе, какъ бы мои занятiя по сельскому хозяйству и природовѣдѣнiю не отняли у меня столько времени, что на общеобразовательные предметы его (времени) пожалуй и не останется совсѣмъ. Вторымъ препятствiемъ было то общераспространенное мнѣнiе, что сельское хозяйство и природовѣдѣнiе пожалуй и не такъ ужъ важны въ начальной школѣ. Наконецъ была и третья причина, которая мѣшала мнѣ приступить къ работѣ—это полнѣйшая неопытность и незнанiе какъ взяться за дѣло.

Но вотъ въ 1904 году, существовавшiе и до этого въ Петербургѣ, курсы по сельскому хозяйству и природовѣдѣнiю рѣшили привлечь къ себѣ побольше народныхъ учителей и разослали весной этого года земствамъ объявленiя о курсахъ. Одно изъ такихъ объявленiй съ предложенiемъ поѣхать на курсы было прислано земствомъ и пишущему эти строки. Конечно я страшно обрадовался такому благопрiятному случаю и, вольно выражаясь, полетѣлъ на курсы. Тамъ я пробылъ мѣсяца два. На курсахъ я получилъ все чего мнѣ прежде не доставало, чтобы приступить къ работѣ; тамъ же воочию убѣдился, что не одинъ я придаю столь важное значенiе сельскохозяйственнымъ и естественно-научнымъ знанiямъ. Важность подобныхъ знанiй для учащихъ начальныхъ училищъ признавалась всѣмъ.

Спѣшу сдѣлать необходимую оговорку: выше было сказано, что на курсахъ я получилъ все чего мнѣ не доставало; буквально понимать этого не слѣдуетъ. Правда, тамъ я получилъ нужный толчекъ чтобы приступить къ дѣлу, воспринялъ извѣстныя идеи, получилъ нѣкоторыя знанiя, тамъ я видѣлъ какъ занимаются съ дѣтьми по сельскому хозяйству и природовѣдѣнiю, но къ сожалѣнiю общiй планъ занятiй, внутреннiй смыслъ ихъ и самый матеріалъ подлежащiй проработкѣ остался слушателямъ не ясенъ. Впрочемъ, быть можетъ, курсы и не задавались цѣлью дать слушателямъ планъ занятiй и намѣтить имъ матеріалъ, который слѣдовало проработать. Поэтому почти все, о чемъ будетъ говорить дальше, есть результатъ моихъ собственныхъ наблюденiй.

Перехожу теперь къ своимъ занятiямъ по земледѣлiю и по природовѣдѣнiю. Началъ я означенныя занятiя только съ

января 1905 года. Предъ началомъ запятій мнѣ предстояло прежде всего отвѣтить самому себѣ на три вопроса: 1) что изъ сельскаго хозяйства и природовѣдѣнія сообщить учащимся, 2) въ какой формѣ и 3) когда? Мнѣ казалось, что необходимо точно и кратко освѣтить по возможности все главное по сельскому хозяйству и природовѣдѣнію, т. е. познать дѣтей по сельскому хозяйству: съ жизнью растений, почвой, обработкой почвы и орудіями для обработки, удобреніемъ и удобрительными веществами, уходомъ за растеніями во время произрастанія и наконецъ съ разведеніемъ домашнихъ животныхъ. По природовѣдѣнію: съ водой, воздухомъ и горѣніемъ; съ вѣтромъ и атмосферическими осадками, съ расширеніемъ тѣла и сжатіемъ отъ тепла и холода, съ работой вѣтра и воды, съ дикими животными и растеніями и съ зависимостью ихъ другъ отъ друга, наконецъ съ жизнью человеческого тѣла и попутно съ этимъ о заразныхъ болѣзняхъ. При составленіи этой программы у меня не было подъ рукой никакихъ пособій, да и вообще весь первый годъ я занимался почти безъ всякихъ пособій, исключая двухъ—трехъ брошюръ по отдѣльнымъ отраслямъ знанія. Поэтому я не смѣю утверждать, что въ приведенной мной коротенькой программѣ нѣтъ никакихъ погрѣшностей. Да и не беру я на себя смѣлости предлагать программу занятій по сельскому хозяйству и природовѣдѣнію. Приведенный выше набросокъ представляетъ изъ себя рядъ придорожныхъ столбовъ, указывающихъ путь, по которому нужно было идти; не больше.

Въ какой формѣ сообщить свѣдѣнія? Этотъ вопросъ я рѣшилъ, остановившись на передачѣ свѣдѣній учащимся въ формѣ устной бесѣды. Выборъ мой, несмотря на недостатки упомянутого способа, оказался, какъ показала практика, удачнымъ. Необходимо только вести бесѣды по возможности съ болѣе частыми перерывами; иначе, при долгомъ удерживаніи вниманія дѣтей на одномъ предметѣ, они скоро утомляются; во время перерывовъ хорошо предлагать дѣтямъ повторные вопросы и вопросы освѣщающіе излагаемый матеріалъ съ другихъ сторонъ. По окончаніи бесѣды мы выводимъ и выделяемъ изъ нея при помощи вопросовъ самыя главныя положенія и кратко записываемъ ихъ. Но дальнѣйшая практика показала, что на записываніе уходитъ очень много драгоценнаго.

наго времени, котораго и безъ того у насъ слишкомъ мало и что безъ элементарныхъ учебниковъ по сельскому хозяйству и природовѣдѣнію обойтись трудно. По природовѣдѣнію есть прекрасная книжка Бэра-Поля «Божій міръ въ разсказахъ и картинахъ», — она вполне можетъ служить такимъ учебникомъ. Но по сельскому хозяйству къ сожалѣнію коротенькихъ сжатыхъ учебниковъ нѣтъ. Пишущій эти строки готовитъ опытъ такого учебника и, если ничто не помѣшаетъ, учебникъ вскорѣ будетъ отпечатанъ. Конечно было бы желательно, чтобы такой учебникъ вышелъ изъ-подъ пера лица болѣе компетентнаго въ сельскомъ хозяйствѣ, лица глубоко и основательно изучившаго дѣтскую душу. Съ учебникомъ и учащій и учащіяся имѣли бы больше свободнаго времени и могли бы остановиться на болѣе важныхъ мѣстахъ подольше.

Кромѣ вопросовъ и отвѣтовъ и записокъ при знакомствѣ съ животнымъ и растительнымъ міромъ въ помощь бесѣдамъ было призвано и зарисовыванье тѣхъ представителей этихъ двухъ царствъ, о которыхъ сообщались свѣдѣнія. Рисунки эти были и будутъ весьма несовершенными, но самый процессъ разглядыванія предмета при срисовываніи закрѣпляетъ въ памяти тѣ или другія особенности даннаго представителя.

Съ перваго же года бесѣды сопровождалсь и опытами, помогающими выяснитъ извѣстное положеніе наиболѣе наглядно. Въ первый годъ такихъ опытовъ было меньше за отсутствіемъ и нужной опытности у самого учащаго и за непмѣніемъ нужныхъ для производства опытовъ, 'приборовъ и пособій. Отъ этого ясность и наглядность изложенія знаній теряли конечно очень много; въ дальнѣйшемъ все это было устранено. Пусть читатель не думаетъ, что для производства опытовъ потребуются какіе-нибудь дорогіе или особенные приборы и пособія; на дѣлѣ это оказывается далеко не такъ. Обыкновенный чайный стаканъ, бутылка, банка изъ-подъ варенья, обыкновенныя пробки, свѣча, проволока, ламповое стекло и т. д. Прикупить придется немного, на нѣсколько рублей. И оказывается съ такими простыми приспособленіями и съ такими маленькими затратами можно продѣлать почти всѣ нужные опыты. Большинство приборовъ можно подѣлать своими средствами и изъ своихъ матеріаловъ. Напримѣръ, чтобы показать учащимся расширеніе тѣлъ отъ теплоты, нужно взять небольшую дощечку и вбить въ нее два гвоздика

такъ, чтобы между ними могъ пройти мѣдной пяточокъ; затѣмъ нагрѣть этотъ пяточокъ на пламени и попытаться вторично продвинуть его между гвоздиками—онъ не пройдетъ. Однимъ словомъ если внимательно отнестись къ дѣлу, то почти всѣ нужные опыты можно продѣлать безъ большихъ затратъ.

Теперь перехожу къ отвѣту на вопросъ—когда заниматься съ учащимися по сельскому хозяйству и природовѣдѣнію? Какъ извѣстно, въ программѣ начальныхъ училищъ нѣтъ ни сельскаго хозяйства, ни природовѣдѣнія, а слѣдовательно и времени на это не положено. Поэтому остается одно возможное рѣшеніе вопроса—заниматься упомянутыми предметами во внѣурочное время—послѣ обѣда или вечеромъ; можно наконецъ и въ иной воскресный день удѣлить на такія занятія часокъ—другой.

Самое лучшее назначить для занятій по сельскому хозяйству и природовѣдѣнію опредѣленные дни и тогда уже безъ причины не измѣнять разъ заведеннаго порядка. Я чувствую заранѣе, что мнѣ многіе возразятъ на это, что молъ это хорошо и прекрасно, но что тѣмъ не менѣе подобныя занятія вовлагаютъ на учащаго еще новое бремя. Да, нужно согласиться, что это дѣйствительно новое бремя, и поэтому пусть возложить на себя это бремя тотъ, кто къ этому призванъ. Но нужно помнить, что только тогда школа станетъ близка и дорога населенію, когда въ ней будетъ отведено подобающее мѣсто его кровнымъ интересамъ. Мнѣ думается, ошибоченъ взглядъ, что поставитъ школу ближе къ населенію зависить отъ желанія учащаго; гораздо больше значеніе въ этомъ случаѣ имѣетъ то, что въ этой школѣ проходитъ, что она дастъ своимъ питомцамъ.

Занятія по земледѣлію въ первый годъ сопровождались показательными работами въ огородѣ. Но въ дальнѣйшей практикѣ эта кажущаяся необходимой работа была оставлена, и вотъ по какимъ соображеніямъ: весной предъэкзаменная муштровка почти нисколько не оставляетъ времени для показательныхъ работъ; кромѣ того весной, когда и дома учащимся находится не мало всякихъ работъ, было бы для нихъ тяжело исполнять еще и показательныя работы. Наконецъ показательныя работы были оставлены нами и по другимъ еще соображеніямъ. Въ тотъ короткій срокъ, когда учащиеся на-

ходятся подъ нашимъ воздѣйствиємъ, невозможно собственно привить дѣтямъ извѣстные навыки. Всякая же работа тѣмъ именно и цѣнна, тогда и цѣлесообразна, когда она развивается у исполняющаго ее извѣстную привычку; играть же въ огородики и садики, по моему, не стоитъ труда. Исходя изъ этихъ соображеній мы рѣшили, что разумнѣе будетъ если мы, вмѣсто того чтобы тратить время непроизводительно, употребимъ его на болѣе прочное усвоеніе теоретическихъ знаній. Можетъ быть кто изъ читателей улыбнется невольно надъ тѣмъ, что я предлагаю учащимся начальныхъ училищъ теоретическія свѣдѣнія по сельскому хозяйству. Предупреждаю на основаніи собственнаго опыта, что подобныя знанія для нихъ вполне доступны (особенно для старшаго отдѣленія). Потому нужно замѣтить, что агрономическая наука въ концѣ концовъ сводится къ немногимъ истинамъ, все же остальное въ ней опыты и опыты. Вотъ эти-то немногія общія истины и нужно сообщить дѣтямъ. А затѣмъ нужно сумѣть пробудить въ учащихся интересъ и любовь къ сельскому хозяйству; остальное все приложится само собою. Все дѣло въ томъ, чтобы затеплить въ дѣтской душѣ пламя любви къ наукѣ.

Съ какими отдѣленіями заниматься?

До сего времени я занимался по сельскому хозяйству и природовѣднію съ среднимъ и старшимъ отдѣленіями; при чемъ при занятіяхъ соединялъ ихъ вмѣстѣ, почему и тѣмъ и другимъ сообщалось одно и то же.

Нѣкоторыя неудобства такого приѣма для меня теперь ясны. Съ самага начала занятій я предвидѣлъ, что среднее отдѣленіе будетъ выносить изъ бесѣдъ меньше чѣмъ старшее; и на самомъ дѣлѣ это оказалось справедливо (конечно встрѣчались и изъ средняго отдѣленія отдѣльныя дѣти, которыя прекрасно усвоивали сообщаемое). Но устранить этого недостатка я не могъ до сего дня за неимѣніемъ свободнаго времени (у меня кромѣ учительства были еще и другія занятія). Теперь же я предполагаю съ среднимъ отдѣленіемъ заниматься отдѣльно отъ старшаго. Занятія думаю распредѣлить такъ, чтобы тѣ свѣдѣнія, которыя будутъ предлагаться учащимся 2-го отдѣленія служили такъ сказать введеніемъ къ занятіямъ по сельскому хозяйству и природовѣднію. Такимъ введеніемъ могутъ служить рассказы и бесѣды по болѣе простымъ вопросамъ изъ сельскаго хозяйства и рассказы о болѣе

знакомыхъ представителей животнаго и растительнаго царства. но уже въ среднемъ отдѣленіи можно обращать вниманіе дѣтей на тѣсную зависимость другъ отъ друга различныхъ явленій жизни природы. Въ старшемъ же отдѣленіи программу придется болѣе углубить и расположить сообщаемый матеріалъ болѣе систематично.

Тутъ же считаю не лишнимъ привести списокъ тѣхъ сочиненій, которыми я пользуюсь какъ пособіями при занятіяхъ на сельскомъ хозяйствѣ и природовѣдѣнію. Сначала укажу нѣсколько книгъ по сельскому хозяйствѣ.

1. Репе Лебланъ, Основы земледѣлія въ 50 опытахъ. Элементарно-научное руководство для учителей начальныхъ школъ и сельскихъ хозяевъ. Цѣна 50 коп. (Беру на себя смѣлость рекомендовать особенно эту книжку; за отсутствіемъ средствъ можно ограничиться одной этой книгой),

2. Костычевъ. Основы земледѣлія.

3. Богдановъ, П. М. Бесѣды о жизни растений.

При наличности средствъ можно кромѣ указанныхъ приобрести еще брошюры по сельскому хозяйствѣ Котельникова и серію первоначальныхъ учебниковъ по сельскому хозяйствѣ Варгина.

По природовѣдѣнію:

1. Шмейль, О. Животныя. Основы ученія о жизни и строеніи животныихъ. Цѣна 1 р. 50 к.

2. Бэръ-Полю. Божій міръ въ бесѣдахъ и картинкахъ. (Эта прекрасная книжка очень пригодна, какъ учебникъ по природовѣдѣнію въ начальной школѣ).

3. Порѣцкій, С. А. Друзья растений. Цѣна 50 коп.

4. Сидоровъ, В. Вооруженіе растений и защита ихъ отъ враговъ. Цѣна 75 коп.

5. Экштейнъ, К., профес. Борьба человѣка съ животными. Переводъ съ нѣмецкаго. Цѣна 30 коп.

6. Мальчевскій, П. Л. и Якобсонъ, А. І. Рядъ простѣйшихъ опытовъ для начального обученія. (Воздухъ. Вода. Горѣніе). Цѣна 30 коп.

Наконецъ сюда же можно отнести и прекрасную книгу Вахтерова «Міръ въ разказахъ для дѣтей», 3 и 4-й годъ.

Вполнѣ естественно будетъ послѣ всего вышеизложеннаго предложить слѣдующій вопросъ:—въ чемъ выразилась польза отъ занятій съ учащимися по сельскому хозяйствѣ и

природовѣдѣнію? На этотъ вопросъ я отвѣчу, что польза есть несомнѣнно. Вотъ и доказательства этого. До занятій по упомянутымъ предметамъ книги по сельскому хозяйству и природовѣдѣнію учащимися почти вовсе не читались: послѣ же введенія занятій изъ 1682 требованій на книги 372 требованія приходились на долю книгъ по сельскому хозяйству и природовѣдѣнію, т. е. больше 22%. Приведенныя данныя относятся къ 1906 г.; въ текущемъ году отношеніе требованій на книги по сельскому хозяйству и міровѣдѣнію къ требованіямъ на книги по другимъ отраслямъ знанія останется такимъ же приблизительно.

Бывало, до 1905 года, мнѣ приходилось много портить себѣ крови изъ—за жестокихъ шалостей дѣтей: то они гоняютъ несчастную голодную собаку, то въ холодный зимній вечеръ вспугиваютъ въ роцѣ расположившихся на ночлегъ озябшихъ птицъ, то они уничтожаютъ огромное количество птичьихъ яицъ или разоряютъ гнѣзда, то жестоко забавляются надъ некрасивой лягушкой. Теперь „нодобныхъ случаевъ стало несравненно меньше. Дѣти стали понимать, кажется, что жестокія забавы надъ животными причиняютъ имъ боль и мученія; кромѣ того они стали различать среди животныхъ друзей своихъ и враговъ.

Бывало, когда отправишься съ дѣтьми въ лѣсъ погулять, то какъ только войдешь въ него—дѣтей и слѣдъ простыль; они разбрелись по гнѣзда—по яйца. Нынѣ они только скажутъ мнѣ о всякомъ гнѣздышкѣ.

А сколько радости, оживленія, любви свѣтитса въ дѣтскихъ глазенкахъ, когда они соберутся вечеромъ въ классной комнатѣ и усядутся за столами тѣсно—тѣсно и ждуть съ нетерпѣніемъ когда ихъ учитель начнетъ свою бесѣду, когда имъ придется послушать какъ будто сказку и поговорить; случается почему-нибудь не начинаешь долго, тогда они своими глазами какъ будто говорятъ: «ну, что-же, начинай». Какъ они въ такія минуты хороши «лопоухіе»! Я не знаю удовольствія выше, какъ видѣть, что ученики слушаютъ тебя внимательно и, чаще всего, удовольствіе это приходится испытывать на занятіяхъ по сельскому хозяйству и природовѣдѣнію. За два съ половиной года, когда я занимался съ учащимися названными предметами, я всегда встрѣчалъ съ ихъ стороны самое внимательное отношеніе къ нимъ

и наисправнѣйшее посѣщеніе бесѣдъ. Случалось нерѣдко, что днемъ учащійся не приходитъ въ школу, но въ этотъ же день у насъ бесѣда — смотришь вечеромъ, онъ занимаетъ свое обычное мѣсто. Постоянно происходило и другое явленіе—на бесѣды всегда являлось около десятка мальчиковъ частью уже кончившихъ курсъ, частью по чему-нибудь оставившихъ училище до конца ученія. Вели они себя чинно и принимали живое участіе въ отвѣтахъ на повторные вопросы. Не доказываетъ ли все это, что бесѣды по сельскому хозяйству и природовѣднію въ высокой степени заинтересовываютъ дѣтей, пришлись имъ по душѣ.

Бесѣды по сельскому хозяйству и природовѣднію имѣютъ громадное значеніе какъ въ жизни школы, такъ и въ большей еще степени въ жизни вообще. Много говорить объ этомъ едва-ли нужно. Въ самомъ дѣлѣ откуда учащійся,—будущій земледѣлецъ, по выходѣ изъ школы узнаетъ, какія условія требуется создать и что для этого нужно сдѣлать, чтобы поднять урожайность полей, улучшить вообще свое хозяйство? Изъ книгъ? Но не имѣя хотя бы самой маленькой подготовки къ чтенію сельскохозяйственныхъ книгъ онъ не обратится къ нимъ. А кромѣ какъ изъ книгъ опъ не можетъ ни откуда пока научиться вести свое хозяйство совершеннѣе.

Въ самой же школѣ бесѣдами по сельскому хозяйству и природовѣднію достигаются двѣ цѣли—они имѣютъ высокое развивающее значеніе и служатъ также цѣлямъ воспитанія. Возьмемъ такой примѣръ: допустимъ вы говорили въ бесѣдѣ о томъ, что большинство воздѣлываемыхъ растеній распространяютъ свои корни въ верхнемъ слоѣ почвы и въ немъ же значить берутъ свою пищу, говорите что отъ долгаго воздѣлыванія слой этотъ истощается, что въ него нужно подбавить питательныхъ веществъ и что для этой цѣли нужно произвести вспашку нѣсколько глубже. Послѣ этого вы предлагаете учащимся такой вопросъ: чѣмъ объяснить, что когда вы глубже вспашете землю, то въ верхнемъ слоѣ почвы питательныхъ веществъ станетъ нѣсколько больше? Учащійся, прежде чѣмъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, долженъ продѣлать такую умственную работу: питательныхъ веществъ тамъ, куда не заходятъ корни или заходятъ, не меньше, больше; при вспашкѣ частицы почвы перемѣшиваются между собою и перемѣщаются снизу вверхъ и обратно, когда мы станемъ

глубже вспахивать поле, то этимъ нижнія части почвы, гдѣ питательныхъ веществъ больше, вывернемъ наверхъ, слѣдовательно и въ верхнемъ слоѣ почвы, ихъ станетъ нѣсколько больше. Согласитесь, что это задача. А такихъ вопросовъ—задачъ можно найти въ бесѣдахъ и по сельскому хозяйству и по природовѣдѣнію очень много.

Знакомство же съ жизнью человѣческаго тѣла и съ жизнью животныхъ, знакомство съ тѣмъ отъ чего человѣкъ и животныя страдаютъ, что имъ причиняетъ боль и главное что и большинство животныхъ тоже способны испытывать боль и мученія, пробуждаетъ въ дѣтяхъ жалость и состраданіе ко всякому живому существу, подвергающемуся мученіямъ, пробуждаетъ въ нихъ человѣчность со всѣми ея прекрасными свойствами.

Подрастающее поколѣніе многому учать, но къ сожалѣнію мало учать его относиться со вниманіемъ къ окружающимъ его и тоже чувствующимъ существамъ, не учать этого поколѣнія не причинять безъ нужды страданій этимъ существамъ. И, можетъ, вслѣдствіе этого остаются въ большинствѣ случаевъ тщетными усилія человѣчества устранить изъ жизни людей явленія жестокости и звѣрства.

При занятіяхъ по природовѣдѣнію представится много прекрасныхъ случаевъ, когда можно будетъ обратить вниманіе дѣтей на то, что всѣ живыя существа суть наши спутники въ жизни, что они тоже способны страдать, что они тоже, какъ и мы, имѣютъ право на существованіе и что насильственно прекращать ихъ жизнь безъ уважительныхъ причинъ нельзя, что это называется преступленіемъ.

Однимъ словомъ въ бесѣдахъ о жизни живущаго и чувствующаго міра всего умѣстнѣе говорить о высшей совершенной любви къ этому міру. На этихъ бесѣдахъ лучше всего выяснитъ, что человѣкъ въ мірѣ есть только часть цѣлаго, и что другія части, составляющія цѣлое, ему разнозначущи..

Въ настоящее время наше отечество ищетъ пути, которыми можно выйти изъ того болѣзненнаго состоянія, которое мы въ данный моментъ переживаемъ. Пути эти различны. Но самымъ надежнымъ и скорымъ есть путь просвѣщенія. Рускій народъ въ массѣ своей бѣденъ. Единственный путь къ богатству составляетъ поднятіе земледѣлія и развитіе промышленности; спрашивается, что же кромѣ образованія поможетъ

пойти по этому пути? Хозяйство у насъ русскихъ до сего дня пока остается хозяйствомъ экстензивнымъ. Причинъ такого явленія много, но самой важной является темнота нашего крестьянина, отсутствіе въ немъ сознательнаго и вдумчиваго отношенія къ явленіямъ окружающаго міра, отсутствіе инициативы. Нашъ крестьянинъ живетъ и работаетъ все еще по старому, по дѣдовски. Результаты такихъ порядковъ на лицо. Спрашивается, что же кромѣ широко разлитаго образованія способно устранить изъ жизни упомянутыя причины нашей бѣдности. Теперь спросимъ себя, кто-же, какое лицо и учрежденіе призваны по самому своему назначенію просвѣтить крестьянина, указать ему средства поднять свое обнищавшее хозяйство, нарисовать ему картину новой лучшей жизни? На этотъ вопросъ, мнѣ думается, всякій долженъ отвѣтить, что такимъ лицомъ является народный учитель, а учрежденіемъ народная школа. Уже тутъ на первой ступени развитія человѣческой личности нужно раздвинуть для ребенка горизонтъ его пониманія явленій окружающаго міра, дать въ его распоряженіе хоть маленькія средства улучшить свою жизнь, поднять свое хозяйство.

Въ западныхъ государствахъ давно уже признали какую пользу могутъ принести начальныя школы въ дѣлѣ распространенія сельскохозяйственныхъ знаній въ народъ и потому тамъ уже это примѣнено на практикѣ; такъ, на примѣръ, въ Австро-Венгріи и Италіи школамъ отводятся земельные участки и учителя обязаны вести на этихъ участкахъ съ помощью учащихся приблизительно такое хозяйство, какъ и окрестное населеніе. Но разумѣется при этомъ, что хозяйство при школѣ должно быть образцомъ, которому населеніе будетъ подражать. Во Франціи дѣло поставлено иначе, — тамъ въ курсъ начальной школы уже около полстолѣтія введены сельское хозяйство и природовѣдѣніе. Такимъ образомъ практика цѣлыхъ народовъ доказываетъ, что начальная школа можетъ и должна сообщать дѣтямъ сельскохозяйственныя знанія и первоначальныя свѣдѣнія по природовѣдѣнію. Не пора ли и намъ русскимъ ввести въ своихъ начальныхъ школахъ преподаваніе названныхъ предметовъ. Тогда у нашего народа поменьше было бы и суевѣрій и ссылокъ на дорогое русскому сердцу «авось».

Какихъ-нибудь непреодолимыхъ препятствій къ введенію занятій по сельскому хозяйству и природовѣдѣнію въ на-

чальной школѣ не можетъ встрѣтиться и у насъ. Учителей для этой цѣли можно подготовить быстро и теперь при посредствѣ курсовъ, а въ дальнѣйшемъ дѣло подготовки устроить такъ чтобы въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ и сельское хозяйство и естественныя науки были введены въ учебный курсъ какъ обязательные предметы.

Въ заключеніе считаю нужнымъ обратиться къ своимъ собратьямъ—учащимъ въ начальныхъ училищахъ—съ просьбой высказаться по поводу поднятаго мною вопроса и отвѣтить на слѣдующіе вопросы: 1—назрѣла ли потребность у насъ въ Россіи ввести въ курсъ начальной школы земледѣліе и природовѣдѣніе и въ какомъ объемѣ? 2—какія условія необходимы для того, чтобы дѣло это поставить прочно и повести его успѣшно? и наконецъ 3—что въ настоящее время мѣшаетъ тому, чтобы начальная школа знакомила своихъ питомцевъ съ основами земледѣлія и освѣщала бы для нихъ главнѣйшія проявленія жизни природы?

Господа, жизнь предъявляетъ съ каждымъ годомъ новыя и новыя требованія; она не ждетъ отставшихъ, поэтому впередъ!

И. Макаровъ.

Преступница.

(Изъ досуговъ сельскаго учителя).

Я жила сиротой
Въ горемычной нуждѣ,
Но моей красотой
Любовались вездѣ.

Былъ богатый вдовецъ,
Онъ женился на мнѣ
(По лѣтамъ онъ отецъ,
А не мужъ былъ женѣ).

Я полгода всего
Съ старымъ мужемъ жила,
Не влюбила его,
Стала жизнь тяжела.

И семнадцати лѣтъ
Я попала въ острогъ,
И мнѣ выхода нѣтъ
За тюремный порогъ.

Цѣлый день у окна
Слезы горькія лью,
Или съ горя одна
Тихо пѣсни пою.

Грустны пѣсни мои,
Безотрадны онѣ,
Но безъ нихъ—долги дни
Въ гробовой тишинѣ.

Станетъ темная ночь,
Затрепещетъ душа...
Отъ окошка я прочь—
Жмусь въ углу, чуть дыша.

Блѣдный мѣсяцъ ко мнѣ
Сквозь рѣшетку глядитъ,
Въ гробовой тишинѣ
Обвиненье твердитъ:

„Видѣлъ я: ночью ты,
„Ты, красотка душа,
„Пробиралась въ кусты,
„На свиданье спѣша.

„Видѣлъ я: молодца
„Обнимала въ кустахъ,
„Твой румянецъ лица,
„Поцѣлуй на устахъ.

„Возвращалась ты въ домъ,—
„Какъ заклятый злодѣй,
„Озиралась кругомъ:
„Нѣтъ ли близко людей.

„Твой довѣрчивый мужъ
„Точно праведникъ спалъ;
„Былъ онъ ревности чуждъ,
„А подъ гнѣвъ твой попалъ.

„Вдругъ такъ дико сверкнулъ
„Кровожадный твой взоръ,
„Въ полумракѣ блеснулъ
„Твой тяжелый топоръ.

„И тотчасъ дрогнулъ я,
„И объялъ меня страхъ...
„Въ мигъ, красотка моя,
„Я исчезъ въ облакахъ“.

И. Вересовъ.

Мои сотрудники по внѣшкольному образованію*).

(Замѣтки учителя).

Не легкокъ трудъ народнаго учителя при существующихъ условіяхъ дѣла народнаго образованія, Но еще неблагопріятнѣе слагаются условія для просвѣщенія взрослыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, что могъ бы предпринять въ этомъ отношеніи сельскій учитель? Много. Напримѣръ, открыть народную бібліотеку (непосредственно обращаясь за разрѣшеніемъ куда слѣдуетъ), открыть общество трезвости, устроить чтенія съ туманными картинами (и безъ нихъ). А еще лучше—почитать книжку мужикамъ, поговорить съ ними. Все это онъ могъ бы сдѣлать, но не дѣлаетъ,—не дѣлаетъ потому, что права его, какъ педагога, въ данномъ отношеніи совершенно урѣзаны. Съ другой стороны всякія просвѣтительныя начинанія, въ болѣе или менѣе прогрессивномъ направленіи или пресѣкаются вовсе, или строго профильтровываются: программами, экзаменами, ревизіями, гласнымъ и негласнымъ надзоромъ за просвѣтителями. Положеніе послѣднихъ, т. е. учительскаго персонала, въ этомъ случаѣ куда какъ незавидно!

Не у всякаго учителя при такихъ условіяхъ можетъ явиться увѣренность въ плодотворности своей работы, и потому наиболѣе скептическія натуры говорятъ прямо, что при настоящемъ положеніи вещей народу помочь нельзя

Не знаю, къ какой степени могла бы выразиться помощь

*) Перепечатывается съ ирсланнаго авторомъ оттиска изъ «Русскаго начальнаго учителя».

учителя населенію, если бы условія дѣла народнаго образованія измѣнились къ лучшему, но несомнѣнно одно, что у этого населенія разнообразныхъ духовныхъ нуждъ пропасть,—нуждъ, въ которыхъ, послѣ церкви, кромѣ школы некому помочь; при чемъ лучшіе люди изъ населенія тянутся къ школѣ, какъ довѣрчивыя дѣти. Кромѣ того, нѣкоторые любознательные крестьяне могли бы подъ руководствомъ учителя, и сами послужить просвѣтителю дѣлу. Значить учитель не одинокъ, что въ интересахъ народнаго образованія чрезвычайно важно.

Однимъ словомъ, школа и при извѣстныхъ несовершенныхъ условіяхъ можетъ всетаки разбрасывать отъ себя искры свѣта.

Но обратимся къ фактамъ.

Однажды праздничнымъ вечеркомъ ко мнѣ завернули два молодыхъ крестьянина: Андрей Козьминъ,—мужчина лѣтъ подъ 30, и Михайло Коровкинъ, лѣтъ 25-ти. Оба кончили школу и любители читать книжки, а главное оба—искатели правды въ жизни и страшно возмущаются малѣйшею несправедливостью, какую увидятъ на міру.

Я ужь не разъ слышалъ отъ нихъ горячее осужденіе и трезвую оцѣнку дѣйствій своихъ сельчанъ,—дѣйствій, по ихъ мнѣнію, совершенно противно-общественныхъ и идущихъ вразрѣзъ съ дѣйствительными интересами крестьянства. Такъ было и теперь.

— Знаете ли,—докладываетъ Андрей Козьминъ,—что такое наши мірскіе порядки? Если не знакомы,—совѣтую взглянуть на мужичьи дѣлежи покоса.

— Навѣрное, улыбнулся я,—понамѣрили „лишнихъ клиньевъ“, съ которыми не придумаютъ, куда дѣваться.

— Угадали! но мѣсто „клиньямъ“ ужь найдено: ихъ беретъ за себя трактирщикъ Артамонъ и беретъ, стыдно сказать,—за совершенный пустякъ. Деньги, разумѣется, пойдутъ на пропой.

— Это бываетъ.—Бываетъ еще хуже. Вы имѣете понятіе о Мокрой Куличи,—клочекъ, доложу вамъ, немного не мало, десятины сто лучшаго заливнаго луга, который арендуетъ опять Артамонъ. Но когда-то этотъ добрый клочекъ могли бы приобрѣсти въ собственность мужики на счетъ увеличенія своихъ скудныхъ надѣловъ. Богатый владѣлецъ оз-

наченнаго участка земли уступалъ его мироѣдамъ за умѣренную плату, и они было согласились, да говорятъ что-то понапутали, когда стали хлопотать, а можетъ быть просто заупрямились (надѣясь на „золотую грамоту“ ха-ха-ха). Тѣмъ временемъ Артамонъ сошелся съ управителемъ имѣній богача,—и „дѣльце“ оборудовалъ въ свою пользу. Мужики только облизнулись. Ловко?!

— Какъ хотите, продолжалъ горячася мой собесѣдникъ, Артамонъ—сила. Это прежній крѣпостникъ, если не хуже. Онъ и по выбору служить—не то членомъ управы, не то гласнымъ въ земствѣ. Любопытно! о какихъ такихъ интересахъ крестьянства будетъ хлопотать на земскихъ собраніяхъ Артамонъ? А выбрали! Вотъ она, темнота-то народная гдѣ сказывается! При ней и Артамоны сойдутъ за благодѣтелей человѣчества.

— Нѣтъ, не такъ..., въ раздумьи проговорилъ Андрей Козьминъ,—надо бороться съ этимъ зломъ энергично, настойчиво!

— А развѣ мало зла отъ пьянства—заявляетъ Михайло Коровкинъ,—посмотрите, напр., какъ работаетъ крестьянинъ, не разгибая спины цѣлый день: кто за сохою, кто за плетениемъ корзины, кто надрывается у „козелъ“, распиливая доски, кто жарится подъ пекломъ солнца, разбивая для шоссеиныхъ дорогъ камни, кто роетъ канавы, кто корчуетъ пни, словомъ люди несутъ тяжелый, иногда прямо сверхчеловѣческій трудъ, ради поддержанія животновъ своихъ—ради „куска насущнаго хлѣба“. Но вотъ только наступилъ праздникъ, эти люди, точно сорвавшись съ цѣпи, предаются необузданному разгулу: дни пьянствуютъ, играютъ въ орлянку, въ карты, дерутся другъ съ другомъ, при сильномъ раздраженіи пускаютъ въ ходъ ножи, а дома бьютъ ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей.

Ужасно! нужна немедленная упорная борьба съ этимъ зломъ, и мы просимъ васъ,—обратились вдругъ правдоискатели ко мнѣ,—просимъ васъ какъ народнаго учителя помочь намъ, темнымъ людямъ!

Съ тѣмъ и ушли мои собесѣдники, въ надеждѣ, что учитель найдетъ какія-либо способы оказать просвѣтительную помощь духовно-голодному народу.

II

Они ушли. Я, конечно, порадовался благимъ намѣреніямъ любопытныхъ крестьянъ и рѣшилъ въ наступающій осенній сезонъ вести народныя чтенія по системѣ.—Думаю съ такими развитыми крестьянами, какъ Козьминъ и Коровкинъ, дѣло у меня должно пойти.

На первыхъ урокахъ я задался цѣлью сообщить крестьянамъ свѣдѣнія „о сохраненіи здоровья“, пользуясь для этого популярными медицинскими брошюрами, специально предназначенными къ народнымъ аудиторіямъ.

Выбралъ одну изъ нихъ, въ которой давались кое-какія понятія изъ анатоміи, фізіологіи и гігіены. Сталъ читать, а народъ—слушать. Первое отдѣленіе, въ теченіи получаса или болѣе,—все слушали, повидному со вниманіемъ. Но вдругъ въ перемѣну подходитъ ко мнѣ партія мужиковъ и одинъ изъ нихъ—старикъ—говоритъ: „вотъ, что, учитель, зачѣмъ ты намъ это читаешь“?

— Какъ зачѣмъ!—подивился я,—зачѣмъ, чтобъ вы знали, какъ устроено человѣческое тѣло...

— Да какое же тутъ знаніе, ежели я ровно ничего не понялъ изъ твоего чтенія,—думаю, что и всѣмъ прочимъ не въ домекъ. Вотъ попытай спросить ихъ, особливо бабъ.

— Такъ что же бы вы желали слышать въ школѣ?—спрашиваю я крестьянъ.

— Мало ли что?—отвѣчалъ, ни что же сумняся одинъ—на счетъ жизни намъ нужно, какъ лучше устроить жизнь, скажемъ къ примѣру, на счетъ Бога, правды, судовъ и прочаго.

— Да на счетъ бы земельки,—подхватилъ другой,—какъ бы намъ лучше оборудовать ее.

— Ты говори не про то, замѣтилъ третій, а про то,—какъ бы побольше добыть земли.

— Правильно! закричали разомъ мужички: утѣсеніе стало на счетъ земли.

— Аль спохватились,—послышался голосъ моего собесѣдника, Андрея Козьмина,—да все, братцы, какъ-то несуразно говорите.—По вашему точно отъ учителя зависитъ надѣлать васъ землей! Невѣрно сужденіе ваше о книжкѣ, которую онъ читаетъ намъ: книжка понятная и полезная должно

быть. Въ самомъ дѣлѣ, разъяснялъ Козьминъ,—развѣ не важно заботиться о сохраненіи собственнаго здоровья, или здоровья нашихъ дѣтей, которыя мрутъ, какъ мухи: они мрутъ отъ многихъ причинъ, напр., отъ неправильности нашего ухода за дѣтьми, отъ объеденія вредною для дѣтскаго желудка пищею и отъ грязи. Всѣ эти причины нужно знать намъ и удалять ихъ. А узнаемъ мы таксыя только черезъ чтеніе книгъ.

Вслушиваясь въ разъясненіе Козьмина, я былъ пріятно удивленъ, и подумалъ, что этотъ умный крестьянинъ можетъ быть мнѣ даже полезнымъ сотрудникомъ въ дѣлѣ внѣ-школьнаго образованія. Зато непріятно былъ пораженъ, что всѣ остальные мужики меня рѣшительно не поняли. Значитъ, думалъ я,—„систематическое“ чтеніе придется оставить и выбирать такое, которое бы подходило къ развитію и настроенію слушателей.

III

По настроенію, на сколько оно опредѣлилось на вышеозначенномъ чтеніи, видно, что крестьянъ всего болѣе интересуеетъ земля. Правда, интересуеетъ съ такой стороны, которая лежитъ внѣ компетенціи школы, но другая хозяйственная сторона, о которой они упомянули, улучшеніе земледѣлія,—на эту сторону школа можетъ обращать вниманіе мужиковъ. Хоть съ тѣми микроскопическими свѣдѣніями, которыя находятся въ распоряженіи школы въ видѣ десятка тощихъ брошюръ по „огородничеству“, „садоводству“ и „посѣву“, и должна она познакомить народъ.

И вотъ разъ выбралъ одну такую брошюрку и сталъ читать. Однако „горячихъ разсужденій“, какъ я предполагалъ, на счетъ хозяйственныхъ затѣй не послѣдовало отъ мужиковъ. Чтеніе вообще шло выло... какъ вдругъ, смотрю опять зашумѣлъ Андрей Козьминъ: онъ поднялъ вопросъ о разсадкѣ деревьевъ и разныхъ питомниковъ около избенокъ,—къ какому дѣлу, по наблюденію Козьмина, крестьяне относятся совершенно безучастно. А между тѣмъ начинаніе подобнаго рода было бы полезно во многихъ отношеніяхъ.

— Я не говорю, доказывалъ Козьминъ, о его пользѣ въ случаѣ пожаровъ,—это само собой разумѣется, но поймите,

какъ пріятно смотрѣть на тѣ домики, которые тонутъ въ садикахъ.

И поддержаль оратора, и также какъ онъ объясняю слушателямъ пользу разсадки деревьевъ въ отношеніи гигиеническомъ и эстетическомъ.

Бесѣда наша, повидимому, произвела нѣкоторое впечатлѣніе на мужиковъ.

IV.

Въ слѣдующемъ чтеніи мнѣ пришлось коснуться вопроса, который (какъ выяснилось на первомъ чтеніи и по частнымъ разговорамъ) довольно сильно занимаетъ мужичью мысль—это вопросъ о судахъ. И по этому вопросу нашлось нѣсколько брошюръ въ моей библіотекѣ.

Къ сожалѣнію всѣ онѣ, по моему мнѣнію, не могли удовлетворить крестьянъ. Поэтому я счелъ за лучшее дополнить чтеніе устно изъ запаса собственныхъ знаній о судахъ. Лекція прошла удачно. Но еще болѣе заинтересовались мужики, когда мнѣ пришлось говорить объ эпохѣ и реформахъ Императора Александра II-го, когда затронулъ исторію земствъ и мѣстнаго самоуправленія. Вопросъ для нашихъ мужиковъ оказался совершенно новымъ.

Для мужиковъ новость вопроса заключалась въ томъ, что они думали о земствѣ, какъ о казенномъ учрежденіи, въ которомъ засѣдаютъ и правятъ дѣломъ „баре“, да „чиновники“, въ чемъ, по моему, они были отчасти правы.

Между тѣмъ мой пріятель Козьминъ просто выходилъ изъ себя: онъ доказывалъ, что взглядъ его сельчанъ на земство ошибоченъ; по его словамъ, земство къ казнѣ никакого отношенія не имѣетъ, такъ какъ оно органъ самоуправляющійся, въ которомъ значительную роль могли бы играть выборные крестьяне. —Только, конечно, не сельскіе воротилы, говорилъ Козьминъ,—и не старшины, въ зависимости находящіеся отъ своего начальства, а настоящіе „умственные“ земледѣльцы.

— Правда, отвѣчаю я Козьмину,—„умственные“ земледѣльцы весьма желательный народъ въ земствѣ, но еще болѣе желательны въ немъ люди образованные. Но чисто мужицкое земство, какое было въ началѣ моей учительской

службы, совѣмъ не интересовалось дѣломъ народнаго образованія, да едвали достаточно ясно понимало пользу послѣдняго.

Этотъ разговоръ о земствѣ, конечно, далъ болѣе или менѣе достаточно ясное понятіе мужикамъ, „что такое наше земство“. Я рассчитывалъ, что они ушли съ чтенія удовлетворенные.

Впрсчемъ, во все это чтеніе мужики только слупали, почти не принимая никакого участія въ разговорѣ. И это понятно... Иная картина получилась, когда въ слѣдующее воскресеніе я читалъ имъ о крестьянскихъ судахъ,—началъ съ волостного суда и кончилъ уѣздными сѣздами. Здѣсь мои слушатели были какъ у себя дома: сколько дѣльныхъ наблюденій, сколько остроумія и природнаго юмора обнаружили они, рассказывая о своихъ похожденіяхъ по судамъ!

V.

Нѣкоторые изъ посѣтителей народной аудиторіи просили меня почитать имъ что-либо позанятнѣе. Я остано-вился на беллетристикѣ, и, помню, выбралъ рассказъ Н.-Данченка „Забытый Рудникъ“. Въ тотъ моментъ, когда показывалась картина, какъ старикъ спускается въ шахту, среди зрителей произошелъ такой діалогъ.

— Гляди, дядя Микита,—обращается одинъ мужикъ къ другому,— энъ старій-то вертится, ну, прокурать! Подумаешь изъ-за добра маю такую принимаетъ, а то вить изъ-за вина: вино лѣзетъ доставать старій хрѣнъ!

— За какимъ виномъ!—прерываю я оратора,—да вѣдь этотъ старикъ, работающій въ шахтѣ, добываетъ не вино, а руду, понялъ?—руду!

— Все можетъ быть... Только и вино добывается въ шахтѣ, сирѣчь въ землѣ,—жила въ ней, землѣ-то, есть такая: какъ ее ударишь, такъ и потечетъ вино.

— Да что ты, чудакъ!—стараюсь я разъяснить,—развѣ не слышалъ, что вино или водка готовится на винныхъ заводахъ?

— Ну што-жь, слышалъ; а заводы гдѣ устраиваются, какъ не въ томъ же мѣстѣ, гдѣ есть винныя жилы? Я знаю, я въ солдатахъ служилъ.

— Э, да брось его!—вмѣшался въ наши пренія другой мужикъ; не мимо сказано: „у кого што болитъ, тотъ про то и говоритъ“, а у нашего Трофима одна дума,—что о винѣ.

— Ну и ты спуску не дашь, особливо на чужинку,—сердито проворчалъ Трофимъ.

Смотрю, поднимается мой второй пріятель, Михайло Коровкинъ, и начинаетъ съ жаромъ говорить о пьянствѣ, осуждая въ своей рѣчи главнымъ образомъ распространеніе по деревнѣ шинковъ.

Чтеніе пришлось отложить; потому, что и я присоединилъ къ его голосу свой: мы оба начинаемъ убѣждать народъ въ необходимости борьбы съ пьянствомъ, доказывая, что такая борьба въ сущности будетъ по силамъ: если только явится общее согласіе на міру, шинки естественно должны исчезнуть.

Мужики со чтенія разошлись въ глубокой задумчивости, и я понялъ, что мой „урокъ со взрослыми“, при содѣйствіи Коровкина, былъ не безрезультатенъ.

VI.

И дѣйствительно, на слѣдующемъ воскресномъ чтеніи какой-то мужикъ опять поднялъ вопросъ о пьянствѣ: „шиньки-то и праеда, говорилъ онъ, пожалуй можно уничтожить, но пьянства, думаю, скоро не искоренишь, да искоренишь-ли? Ты то пойми, дядя Андрей,—продолжалъ ораторъ, толкая сосѣда, хотя рѣчь его относилась ко всѣмъ,—по запрошлую Николу, помнишь, къ Туманову Ликсѣю, можно сказать, сапоги-то мальчишка снесъ, продалъ ихъ ему и съ нимъ же пропиль.

— Вѣрно, согласился сосѣдъ,—нынѣ ребятишки начинаютъ пить. А неслухи-то стали какіе? Ты ему слово, а онъ тебѣ десять; почету вовсе не стало отъ молодого народа; видно, братъ, живемъ послѣднія времена.

— Такъ-то такъ, братцы, слышался опять голосъ Михайла Коровкина,—но кто виноватъ, что дѣти наши начинаютъ пить? Не сами-ли взрослые? Не Алексѣй-ли Тумановъ, у котораго вѣдь есть свои дѣти,—продалъ ребенку водки и съ нимъ ее распилъ? И не сами-ли родители иногда отравляютъ дѣтей водкой? Кто не знаетъ, продолжалъ воодушевляясь, Коровкинъ,—какъ нѣкоторые изъ нашей братіи, ча-

долюбивые папаши, таскаютъ по трактирамъ малютокъ,— „баловаться чайкомъ“, а когда бываютъ въ куражѣ, то, для какой-то дикой потѣхи, балуютъ и водочкой. Даже нѣкоторыя мамашы, къ ихъ стыду, на свадьбахъ, по праздникамъ спаиваютъ дѣтей водкою. Были случаи, что общими родительскими усиліями на нашихъ безобразныхъ свадьбахъ младенцевъ травили виннымъ ядомъ до потери сознанія... Эхъ, махнулъ энергично рукою мой пріятель,—да мы всеѣмъ никакъ не воспитываемъ дѣтей,—мы этого и слова-то не понимаемъ, что значитъ воспитывать. И не мудрено, что дѣти наши, выростая безъ воспитанія, становятся непочтительными, озорниками. Да кто, кто виноватъ, подумайте по совѣсти, православные,—не мы-ли сами?

Мужики со чтенія ушли понурые.

VII.

Я радъ былъ, что на чтеніяхъ неожиданно пришлось коснуться вопроса воспитанія. Для школы это самый живой вопросъ. Но крестьяне, въ особенности изъ молодыхъ, какъ говорилъ Коровкинъ, или не воспитываютъ своихъ дѣтей, или имѣютъ свои взгляды на это дѣло, что совершенно противорѣчивы задачамъ школы. Старики больше молодыхъ толкуютъ о воспитаніи; но точно также понимаютъ его по своему.

Поэтому мнѣ хотѣлось еще какъ-нибудь побесѣдовать съ народомъ о воспитаніи дѣтей и изложить передъ нимъ наиболѣе, по моему мнѣнію, правильные взгляды на это дѣло.

Великимъ постомъ я обыкновенно читалъ народу на религиозныя темы. Разъ какъ-то подходитъ ко мнѣ группа мужиковъ, и одинъ изъ нихъ начинается: „дѣтей надо воспитывать въ страхѣ Божиемъ, какъ предписано святыми отцами, а вотъ твои пріятели Андрей съ Михайломъ говорятъ, что мы страхъ Божій не такъ понимаемъ. Разбери пожалуйста, кто изъ насъ не такъ понимаетъ“.

— Да, вы неправильно понимаете, и опять скажу,—начинаетъ Коровкинъ.—представьте себѣ,—обратился онъ ко мнѣ,—Андрей Петровъ въ прошлый вечеръ прочелъ мужикамъ какое-то поученіе. Въ этомъ поученіи рассказывается о томъ, какъ одинъ отецъ не обращалъ никакого вниманія,

что его сынъ, 4-хъ лѣтній ребенокъ, научился сквернословничать. И вотъ, когда этотъ ребенокъ сталъ умирать, то явились черти и утащили его въ адъ. Въ томъ же поученіи приведенъ и еще примѣръ, какъ одна мать сгоряча обозвала своего младенца „проклятымъ“, или кажется. „будь ты, анафема, проклять отъ нынѣ и до вѣка“,—и вдругъ откуда ни взялись опять черти,—подхватили младенца и засадили его въ подполье. Коротко и ясно! засмѣялся пріятель.—вы лучше объясните мужикамъ,—сказалъ, онъ—откуда составители поученія взяли эти двѣ сказки?

— Дѣйствительно сказки,—неволью улынулся я,—взяты онѣ думаю, изъ Пролога,—книга, къ слову замѣтить,—неканоническая, которая въ данномъ случаѣ совершенно противорѣчитъ духу Евангелія; да и по ученію церкви, младенцы считаются „блаженными“, невинными существами, которыхъ „ангелы видятъ лице Отца Небеснаго“.

Мужики съ любопытствомъ и не безъ удивленія кидали глазами то на меня, то на моихъ сотрудниковъ.

— Такъ, значить, граматка-то, по вашему, неправильно учить,—угрюмо спросилъ меня какой-то старикъ.

— Конечно, отвѣчаю, проклинать дѣтей грѣшно,—это правильно, но грѣшно кому? дѣтямъ или проклинающимъ ихъ родителямъ?

— Вѣстимо послѣднимъ,—еще угрюмѣе проговорилъ старикъ.

— А вѣдь дьяволь-то расправляется съ дѣтьми—съ этими „ангельскими душками“. Подумай хорошенько? Тоже несуразно сказано въ первомъ примѣрѣ. Конечно не хорошо, что 4-хъ лѣтній ребенокъ сквернословничаетъ. Но не хорошо опять тому, кто пріучилъ дитя къ сквернословію, не хорошо сквернословцамъ-родителямъ, и вообще взрослымъ, которымъ это дитя бессознательно подражало. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ надъ малюткою берутъ власть дьяволы? Зачѣмъ они его тащатъ въ адъ? Кто достоинъ наказанія за сквернословіе: развѣ младенецъ, а не взрослые, его соблазнившіе? Въ Евангелія прямо сказано: „кто соблазнитъ малое дитя, тому легче повѣсить камень на шею и броситься въ море“... Вотъ, слѣдовательно, какъ тяжело будетъ отвѣчать передъ Богомъ соблазнительямъ дѣтей!

И послѣ этого чтенія, я замѣтилъ, многіе разошлись въ большой задумчивости.

VIII.

Кромѣ Андрея Козьмина и Михаила Коровкина, оказавших мнѣ услуги по внѣшкольному образованію, изъ молодыхъ людей нашлось еще человекѣкъ пять охотниковъ вступать на чтеніяхъ въ разговоры и брать книжки на домъ.

Иногда они заходили ко мнѣ на квартиру съ какимъ нибудь „недоумѣннымъ вопросомъ“.

Я, конечно, снабжалъ ихъ такими книгами, которыя подходили къ ихъ развитію и умственнымъ запросамъ.

Затѣмъ, когда потребность къ самостоятельному чтенію у моихъ знакомцевъ увеличилась и когда я съ ними еще ближе сошелся, то при случаѣ сталъ разъяснять имъ или, вѣрнѣе, давалъ понятіе о томъ, какія обязанности лежатъ на настоящемъ грамотѣѣ.

— Этого не достаточно, говорилъ я молодымъ людямъ, если грамотѣѣ прочитываетъ книжку только для себя одного,—нѣтъ, онъ долженъ внести ее, въ особенности святую книгу—Евангеліе, въ семью; онъ долженъ читать и другимъ „въ сборныхъ избахъ“ или въ чайныхъ лавкахъ, а по праздникамъ лѣтомъ въ кружкахъ собирающагося на улицѣ народа. Кромѣ того онъ долженъ потолковать со своими слушателями о прочитанномъ, какъ я съ вами толкую. Повѣрьте!

— Поэтому я предлагаю вамъ, братцы—продолжаю я,—соорганизоваться въ такой кружокъ, который можно назвать кружкомъ чтецовъ, въ задачи котораго и войдетъ выполненіе означенныхъ обязанностей. Вы не думайте, что только у васъ однихъ имѣется охота поразвить себя, т. е. охота стать умнѣе и побольше получить знаній. Нѣтъ, и старики говорятъ, что „ученье свѣтъ, а неученье тьма“, что книжки читать полезно, а наипаче слово Божіе, что на улицѣ гораздо пріятнѣе слышать школьныя пѣсни, чѣмъ съ болью на сердцѣ терпѣть ваши нестройные крики и уханье фабричныхъ частушекъ. Я зналъ всѣ эти духовныя нужды народа и пошелъ имъ на встрѣчу. Теперь же приглашаю васъ помочь, съ вѣрою, что и Богъ намъ поможетъ.

Молодые люди съ восторгомъ выслушали мою рѣчь, и, разумѣется, согласились принять предложеніе.

Началась работа. Я между тѣмъ строилъ новые планы. Я думалъ, что при помощи товарищескаго кружка можно

будетъ нѣкоторымъ образомъ расширить просвѣтительное дѣло въ мѣстѣ моего школьнаго района. Напримѣръ, нужда имѣлась въ пополненіи библіотеки, въ приобрѣтеніи сноснаго фонаря для туманныхъ картинъ; а можетъ быть удастся познакомить населеніе съ какой-нибудь хорошей газетой.— Если, думалъ я, на это дѣло откликнутся члены кружка, то за ними потянутся и остальные читающіе крестьяне. Дальше предстояло рѣшить вопросъ объ организаціи общества трезвости, о сборѣ въ пользу голодающихъ... и многое другое полезное въ просвѣтительно-воспитательномъ отношеніи можно бы было сдѣлать народному учителю въ деревнѣ.

Свои планы относительно просвѣтительной работы я рѣшилъ проводить въ среду кружка съ нѣкоторою послѣдовательностью. Сперва, думалъ я, придется начать съ выработки міросозерцанія самихъ просвѣтителей,—въ направленіи идеализаціи и христіанскаго одушевленія.

Чтеніе книгъ въ этомъ дѣлѣ несомнѣнно служить огромной образовательной и воспитательной силой. Но какихъ книгъ? что читать молодымъ людямъ?—вопросъ не менѣе огромной важности.

Я замѣтилъ, что въ послѣднее время многіе изъ крестьянскихъ читателей предъявляютъ спросъ на болѣе или менѣе серьезную книгу, которую читаютъ интеллигентные люди и народные учителя.

Помню, дѣло было постомъ. Читалъ я народу довольно длинную вещь, кажется, Катакомбы. Разумѣется утомился самъ да и слушателямъ досталось.

Первыми со чтенія собрались уходить старики. „Ну, думаю, разговоръ у насъ сегодня не будетъ“.

— Поди тоже устамши, услышалъ я голосъ какого-то мужика.

— Кто? учитель? спросилъ другой мужикъ.

— А то кто же, говоритъ первый,—не ты, конечно, тебѣ што дѣится, а его дѣло—почитай, попой, да поговори съ нами.

— Поговорить-то и правда нужно, да поздно.

— Вотъ видишь,—тебѣ нужно, другому, третьему... вѣдь этакъ съ нами и до утра не перекалякаешь, а тутъ есть такіе, которымъ надо еще разжевать. Помнишь, прошлый разъ читали про саножника (разсказъ Л. Толстого „Гдѣ лю-

бовь,—тамъ и Богъ“),—какъ онъ ядалъ Христа-Батюшку: вѣдь многіе такъ и поняли, что напрасно прождалъ; а то не возьмутъ въ умъ, что въ образѣ бѣдняковъ, которымъ оказалъ милость сапожникъ,—онъ принялъ самого Спасителя.

— Извѣстно, дѣло темное, вздыхан, сознавались мужики.

Скоро отдѣльныхъ словъ уже нельзя было разобрать: все смѣшалось въ одинъ сплошной гулъ, сквозь который прорывались визгливые дѣтскіе голоса. Народъ выходилъ изъ школы, тѣснясь около дверей и напирая другъ на друга.

Но вотъ вижу въ классѣ остается небольшая группа молодежи.

— Чѣмъ могу служить? спрашиваю я эту группу.

— Мнѣ,—сказалъ одинъ подростокъ лѣтъ 17-ти,—повольте вашу книжку, которую вы намъ сейчасъ прочли,—я думаю почитать ее семейскимъ.

— Вѣдь это изъ жизни первыхъ христіанъ?—говорить его товарищъ,—а на ту-же тему, я знаю, есть другая интересная книга: „Камо грядеши“ Сенкевича.—Вы мнѣ не дадите ее почитать?

— А мнѣ, улыбается третій—лѣтъ 20-ти юноша, соблаговолите почитать о герояхъ съ большой совѣстью, напр. Достоевскаго; съ нѣкоторыми его произведеніями я случайно познакомился; или же дайте соч. Горькаго, о которомъ я слышалъ.

— Гг., говорю я юношамъ, такихъ книгъ, какъ вамъ извѣстно, въ школьной библіотекѣ не имѣется.

— Да мы не изъ школьной,—можетъ быть вы найдете изъ своихъ для насъ.

И такъ я сталъ давать книги молодежи изъ собственной библіотеки, имѣя въ виду, что эти книги должны оказывать воспитывающее вліяніе на молодежь, въ вышеозначенномъ христіанскомъ направленіи.—А литература русская, думалъ я (за исключеніемъ, думаю, произведеній Горькаго и нѣкоторыхъ другихъ послѣдней формаціи писателей), полна христіанскихъ переживаній. „Христіанство“, какъ замѣчаетъ одинъ журнальный обозрѣватель (журн. „Вопросъ Жизни“ 1905 г. № 4—5 стр. 279),—всегда жило въ литературѣ русской... отсюда тотъ „этизмъ“ русской литературы, то учительное, апостольское начало въ ней, на которое всегда много указывалось и что особенно удивляло европейцевъ въ

нашей литературѣ. Это все пережитки несознанной до конца религіозности, пережитки христіанскихъ настроеній, живые цвѣты неизжитыхъ еще на нашей жизни и неизживаемыхъ религіозно-христіанскихъ началъ“.

Даже въ лицѣ своихъ отрицательныхъ типовъ русская литература не можетъ, что называется, обойтись безъ Бога. „Я не могу о другомъ, я всю жизнь объ одномъ. Меня Богъ всю жизнь мучить“, признается нигилистъ Кириловъ въ „Бѣсахъ“ Достоевскаго, и въ этихъ мукахъ Богомъ загорается свѣтъ властительныхъ религіозныхъ озареній, тайный зовъ къ Богу...

Такъ, повидимому, мучился и Бѣлинскій. Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ пишетъ, что Бѣлинскій отказывался ѣсть прежде, чѣмъ не рѣшить вопроса о существованіи Бога.

Но это вопросъ жизни ихъ личныхъ переживаній. Что же касается ихъ произведеній,—то въ этомъ отношеніи всѣ наши великіе писатели, въ силу данныхъ имъ талантовъ отъ Бога, работали, такъ сказать, на служеніе Ему и ближнему. А именно, они проповѣдывали „лѣто Господне благопріятное“, наступленіе котораго они видѣли въ паденіи крѣпостичества, въ проведеніи гуманныхъ началъ въ общественную жизнь.

Вотъ въ какомъ направленіи русская литература имѣла безусловно крупное значеніе, какъ для общества, такъ и для каждой отдѣльной личности; она призывала эту личность на подвиги, на служеніе ближнему, на защиту „униженныхъ и оскорбленныхъ“, и въ глубинѣ падшаго человѣка она старалась указать образъ Божій.

Такъ всегда думалъ я о литературѣ русской, и рѣшилъ съ радостью давать своимъ молодымъ читателямъ: Пушкина, Гоголя, Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Гончарова и знаменитыхъ русскихъ критиковъ.

Какія сѣмена будутъ разбрасывать въ населеніе сами эти читатели, поживемъ—увидимъ.

С. Кудрявцевъ.

Воспоминанія.

Прослужить 23-го года на поприщѣ учителя—не поле перейти. Сколько мнѣ пришлось пережить метаморфозъ за это время! считаю, право, чудомъ, какъ самъ остался живъ!

За 25-лѣтнюю службу слѣдуетъ по закону полная пенсія, въ размѣрѣ годоваго оклада; значитъ, черезъ 3 года должна и для меня наступить не жизнь, а масленица, т. е. возможность получать пенсію п служить. Это въ теоріи, а на дѣлѣ выходитъ далеко не такъ. Когда я вступилъ на должность учителя въ 1885, тогда еще и помину не было о пенсіи, а заговорили о пенсіи и въ печати, и въ публикѣ лѣтъ 10—12 назадъ, и кто сколотилъ руб. 200—300, тотъ слѣлалъ взносъ за прежніе годы (такъ и мнѣ нужно было бы слѣлать) и теперь получаетъ и жалованье и пенсію. Я знаю такихъ двухъ товарищей—учителей *). Но разъ ужъ не поправитъ, то не стоитъ и распространяться объ этомъ.

Служеніе народу меня въ первое время и пугало и прельщало; но разъ нуженъ кусокъ хлѣба, то тутъ ужъ не до разсужденій и не до выбора—нравится или не нравится та или другая служба. Попалъ я учителемъ потому, то 20 лѣтъ назадъ былъ большой спросъ на учителей. Съ годами я полюбилъ эту службу, и теперь не жалѣю. Помню, что когда я выдержалъ экзамень, то Инспекторъ предложилъ мнѣ сразу два мѣста на выборъ. Совсѣмъ не то теперь: на 8—10

*) Не совсѣмъ ясно, о какой пенсіи говоритъ авторъ. Полагать надо, что въ той губерніи, гдѣ онъ служилъ, при губернскомъ земствѣ существуетъ пенсіонная касса. *Ред.*

вакансій подаются сотни прошеній. А эолько лично является и уходитъ съ прошеніями не солоно хлѣбавши. Получить мѣсто по прошенію было бы теперь чудомъ. Нуженъ еще осмотръ, то-что называется „первымъ впечатлѣніемъ“.

Въ „наше время“ помню, когда одинъ учитель не обозначилъ въ прошеніи, къ Инспектору какого уѣзда онъ обращается, Инспекторъ сдѣлалъ отеческое замѣчаніе: „Вы далеко не пойдете!“ Предсказаніе бюрократа не оправдалось. Теперь уже типъ подобныхъ Инспекторовъ—формалистовъ вымираетъ. На нѣкоторыя прошенія, если они безъ марки, инспектора и Управы даже не отвѣчаютъ, въ виду чего иной горемыка два—три мѣсяца ждетъ мѣста, вмѣсто того, чтобы искать. Въ результатѣ оказывается за бортомъ. Иному кандидату поможетъ протекція, „родные человѣчки“.

На 10—15 вакансій числится сотни кандидатовъ въ такомъ приблизительно порядкѣ: семинаристы (этимъ мѣста обязательно, это „цвѣтъ“ учителей), гимназистки, епархіалки, а потомъ уже учителя „по испытанію“, имя же имъ „Легіонъ“. Есть такіе, которые по два года ожидаютъ „движенія воды“. Я не берусь объяснить причинъ такого отлива и прилива учителей; но мнѣ кажется, что было бы цѣлесообразнѣе—увеличить число учительскихъ Семинарій и ограничить извѣстной нормой число экстерновъ—учителей, если нельзя обойтись одними семинаристами, этимъ „цвѣтомъ“ учителей. Не всякій Семинаристъ заткнетъ за поясъ экстерна. Зачастую ученикъ городского училища, окончившій въ числѣ первыхъ, выходитъ хорошимъ учителемъ. Да и курсъ городского училища не многимъ уступаетъ курсу семинаріи, кромѣ педагогики, которая въ городскомъ училищѣ, къ сожалѣнію, не проходитъ. Но мнѣ кажется, что если ученикъ городского училища будетъ самъ проходить курсъ педагогики (если только онъ думаетъ посвятить себя народу), то еще больше приблизится къ патентованному учителю, и хотя не будетъ сразу мастеромъ своего дѣла, за то черезъ годъ—два уже будетъ выпускать такихъ же учениковъ, какъ и семинаристъ. Но я все-таки стою на сторонѣ семинаристовъ, т. е. людей съ спеціально-педагогической подготовкой. Но разъ уже допускаются и не семинаристы, то не должно „властямъ“ выдвигать избранную породу учителей. Все забывается, а педаго-

пка и подавно. Скажу больше. Семинарія не прививаетъ своимъ питомцамъ больше любви къ дѣтямъ, чѣмъ городское училище, а безъ любви къ дѣтямъ не мыслимъ хорошій учитель, будь онъ семинаристъ или институтецъ.

Скажу теперъ о себѣ. Я въ цвѣтушіе годы имѣлъ сильное желаніе поступить въ Учительскій институтъ, куда, впервыхъ, меня влекла жажда самообразованія и желаніе выбиться на „коронную“ службу (да и мало ли причинъ бродить въ головѣ молод. челоѣка!), во вторыхъ, тянуло еще и то, что въ Институтѣ учился уже мой братъ.

Будучи учителемъ въ с. Троицкомъ Пав. уѣзда, я усиленно готовился къ институтскому экзамену; когда братъ (воспитанникъ института) пріѣзжалъ на каникулы, я бралъ у него уроки, за что готовъ былъ отдать ему все, даже рубашу, не говоря уже о томъ, что и столъ, и квартиру я ему предоставлялъ въ полное распоряженіе.

Въ одно время съ жаждой учиться пробудилась у меня страсть къ скрипкѣ. Братъ игралъ не дурно; когда-то даже участвовалъ въ концертахъ. Вообще онъ—любитель музыки, пѣнія, такъ что въ институтѣ былъ не послѣднимъ въ оркестрѣ и управлялъ хоромъ. Частенько, бывало, мы заберемся въ классъ и рѣжемъ по нотамъ „дуэты“. Подставка съ классной доски служила и для нотъ. Никогда не забуду этого времени, когда я переживалъ всѣмъ существомъ періодъ ожиданія возможности попасть въ число воспитанниковъ института, въ благодатный Крымъ, о которомъ я тогда не имѣлъ и смутнаго представленія. Но судьба распорядилась иначе: я остался учителемъ въ с. Троицкомъ и съ каждымъ днемъ охлаждѣвалъ уже послѣ одного случая, номѣшавшаго поступить въ институтъ.

Для памяти о высококомъ подъемѣ духа храню письма за четыре года, т. е. за все то время, пока братъ былъ воспитан. института... Въ этихъ письмахъ, какъ въ зеркалѣ, отражается мое субъективное настроеніе. Я попалъ бы въ институтъ, но цѣпи Гименея оказались сильнѣе (въ то время я еще только ковалъ ихъ). До какой степени меня тянуло учиться, видно изъ того, что меня интересовала каждая мелочь институтской жизни. Въ одномъ письмѣ есть даже планъ зданія института и города Θ . Но объ этомъ эпизодѣ довольно

15 лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, $\frac{1}{4}$ человѣческой жизни, а воспоминанія свѣжи еще,—такъ глубоко они волноли мою душу въ то время. А сколько прочелъ тогда! Человѣкъ я впечатлительный; характеръ у меня порывистый, то женственно-мягкій, то буйно-энергичный, такъ что я скорѣе былъ бы годенъ въ роли городского учителя, но „сама себя раба бьетъ“... На память храню тетрадки, письма и дневники. Впрочемъ переписка хранится у меня за 20 лѣтъ. Какихъ только писемъ нѣтъ у меня! „Подъ часъ гляжу на нихъ я строго, но бросить въ печку не могу“.

Читалъ я много, но безъ системы, что Богъ пошлетъ. Впослѣдствіи перешелъ къ одному серьезному чтенію. Въ Троицкомъ я бралъ книги у Земскаго Начальника, выписалъ, помню, за цѣлый годъ „Русскую Мысль“ и др. Читалъ за поемъ. Выписалъ я сочиненія Шелгунова, Скабичевскаго (крит. статьи), Короленко и др. Нѣкоторые выводы Шелгунова зашли въ головѣ моей такъ, что я и до сихъ поръ опираюсь на нихъ. Вотъ одинъ изъ нихъ: „Умъ не есть субъективное понятіе, чтобы удовлетворять личному чувству каждаго“... Но надо мной чуть не стряслось такое горе, которое могло бы быть роковымъ, поворотнымъ, это—солдатчина.

По закону учителей не берутъ, но инспектора должны представлять въ воинское присутствіе удостовѣреніе о пребываніи на службѣ того или другого учителя въ призывномъ возрастѣ. Но блаженной памяти инспекторъ Л., погрязшій въ собственныхъ интересахъ, однажды не выслалъ въ Присутствіе удостовѣреніе обо мнѣ, и я чуть не угодилъ въ армію. Получаю какъ-то отъ старшины бумагу о явкѣ въ уѣздное воинское присутствіе, въ ноябрѣ уже мѣсяцѣ; морозы были сильные, и мнѣ пришлось испытать (на свой счетъ) всѣ прелести пути за 100 верстъ. Приѣхавъ въ городъ я сразу явился въ Воинское Присутствіе.

Мое появленіе удивило членовъ Присутствія не меньше, чѣмъ меня полученная отъ старшины бумага. Оказалось, что виновниками моего путешествія были инспекторъ и мѣщанскій староста, а еще больше его письмоводитель—алкоголикъ. Послѣдній чаялъ получить съ меня на табакъ и чай; но горько ошибся въ расчетѣ. Только по молодости своей я спустилъ „вызовъ“. Прошло уже 20 лѣтъ; за это время я пережилъ много метаморфозъ, но все еще не приобрѣлъ опыт-

ности на всѣ случаи, вѣроятно потому, что съ каждымъ годомъ мѣняются требованія, да и жизнь не стоитъ на мѣстѣ. Цѣлая галерея учителей и инспекторовъ прошла на моихъ глазахъ.

Лѣтъ 15—20 назадъ попасть учителемъ было очень легко; но не то теперь! Много свѣтлыхъ воспоминаній осталось у меня отъ лучшихъ лѣтъ; къ таковымъ принадлежатъ: пребываніе на курсахъ (два раза) устройство вечеровъ, рыбная ловля, фейерверкъ, любительскіе спектакли и т. п. Особенно хорошо жилось въ с. Троицкомъ, о чемъ я нѣсколько распространюсь. Примирился я уже съ необходимостью быть сельскимъ учителемъ „дондеже есмь“, только горькій осадокъ на душѣ мѣшалъ улечься разочарованію. Кругъ хорошихъ знакомыхъ моихъ въ селѣ Троицкомъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: священникъ—старикъ (наблюдатель школъ) Гон—й, его два сына—семинариста, двѣ дочери „Епархіалки“, другой священникъ П., фельдшеръ Р—нъ (человѣкъ просвѣщенный и бывалый, начитанный, „душа общества“) и кожевникъ—богачъ, у котораго былъ сынъ и двѣ дочери на возрастѣ. Это, такъ сказать коренной элементъ. А сколько еще пріѣзжало на праздники Рождества Христова и Пасхи къ Гон—мъ! Св. Г—й, человѣкъ богатый, жилъ на широкую ногу и двери его дома всегда и для всѣхъ были открыты. Цѣлая ватага семинаристовъ кружилась вокругъ двухъ барышенъ невѣсть и не дурной наружности.

Въ кругу такой компаніи я и короталъ время, отдыхалъ отъ тревоженій учительской службы и „трудоу праведныхъ“.

Священникъ Г-й стоялъ всегда горой за меня и даже разъ предложилъ перейти въ духовное вѣдомство („переходите-ко въ мою школу),“ на что я благородно отказалъ, такъ какъ не питалъ никакого уваженія къ новоявленнымъ школамъ. Не каюсь и теперь. Скажу безъ преувеличенія, что въ с. Троицкомъ я слылъ за хорошаго учителя, и въ глазахъ „начальства“ и въ мнѣніи крестьянъ, и не боялся никакихъ преградъ, такъ какъ работалъ съ такою продуктивной энергіей, какъ ужъ никогда впоследствии. Изъ Троицкой школы одинъ мой ученикъ попалъ въ фельдшерскую школу. Не могу обойти молчаніемъ этого самородка изъ народа.

Прекрасно помню, какъ въ школу, среди занятій, кажется уже въ декабрь, когда о приѣмѣ не можетъ быть и рѣчѣ, вваливается мужикъ высокаго роста, съ робко почти-тельнымъ взглядомъ, въ сопровожденіи сына—своей копіи и лицомъ и ростомъ. Я не даль вошедшему и поздороваться, а сразу осадилъ: „Куда Вы? Теперь нельзя! Уходите!“ Но сразу и умолкъ,—такъ заинтересовала меня группа.

— Я прививъ хлопца,—запышитъ его!

Не знаю, о чемъ я говорилъ тогда съ ними, но я не могъ не принять маленькаго „Ломоносова“, хотя былъ твердъ и неумолимъ къ несвоевременно стучащимъ въ двери школы; особенно браковалъ „крупныхъ“ дѣтей.

Нужно сказать, что Горбенко (фамилія уч.) былъ изъ самыхъ захудалыхъ сельчанъ; отецъ служилъ десятскимъ и сына готовилъ къ тому же. Опоздалъ въ школу потому, что не было сапоговъ. Новоприбывшій былъ посаженъ въ число „звуковиковъ“, какъ не грамотный (въ 13 л.), но благодаря удивительнымъ способностямъ онъ весною перешелъ прямо въ третье отдѣленіе, а черезъ годъ окончилъ блистательно курсъ. По окончаніи курса онъ былъ при школѣ годъ практикантомъ помощникомъ, а потомъ поступилъ на казенный счетъ въ фельдшерскую школу. Изъ него вышелъ дѣльный, хорошій фельдшеръ.

Въ Троицкомъ была двухштатная школа и я былъ за вѣдующимъ. Въ первый годъ у меня былъ помощникомъ нѣкто Д., воспитанникъ военной прогимназіи. Это былъ человѣкъ лѣтъ 25, съ военной выправкой, но имѣлъ уже сѣдину въ головѣ. На меня онъ произвелъ тогда впечатлѣніе чего-то загадочнаго. Званія учителя онъ не имѣлъ, а просто „исправлялъ должность“ второго учителя. Съ нимъ я не сошелся.

Опишу одинъ спектакль въ с. Троицкомъ. Инициаторомъ спектакля былъ фельдшеръ Р. человѣкъ живой и изобрѣтательный. Трудно было подыскать болѣе пріятнаго собесѣдника и лучшаго организатора всякихъ развлеченій. Дружба у меня съ Р. была самая крѣпкая, и если возникали конфликты, то послѣ нихъ мы еще болѣе сближались. Два сына священника, семинаристы старшихъ классовъ, были прямо таки артистами. Рѣшили поставить драму: „Якъ доли не

мае, та й счастья мьяная". Пригласили и меня, хотя я долго упирался, не чувствуя себя способнымъ къ сценическому искусству. Я однако не ударилъ лицомъ въ грязь: роль Лымишки—свата сыгралъ лучше далеко, чѣмъ ожидалъ, и вызвалъ овацію всей публики. Цѣлый мѣсяцъ разговоръ о драмѣ былъ злободневной темой. Особенно понравился мужикамъ водевиль „Кумъ Мирошникъ, або Сатана въ боцци“. Прошло уже 12 лѣтъ, а я не встрѣчалъ еще такой веселой компаніи, какъ въ Троицкомъ.

Изъ с. Т. я попалъ въ с. Хорошее. Здѣсь уже повѣяло привольемъ лѣсовъ и степей, какими изобилуетъ богатая природа этого края.

Имѣніе кн. Щ. вышло горделиво купно съ церковью надъ жалкой деревушкой бывшихъ крѣпостныхъ. По ночамъ а случалось и днемъ, «сычи въ гаю переклякались» и своимъ зычнымъ, зловѣщимъ крикомъ наводили уныніе (хотя я и не суевѣрный человекъ), точно пѣли отходную надъ крѣпостничествомъ, павшихъ „по манію царя“. Пришлось жить въ экономическомъ домѣ. Ученики здѣсь уже не отличались такой живостью и способностью къ воспріятію всего „разумнаго, добраго, вѣчнаго“. Какая-то апатія лежала на лицахъ моихъ питомцевъ.

Безъ вѣдома управляющаго нельзя было и шагу сдѣлать; нужно было во всемъ согласоваться съ его вкусами и взглядами. Не ладить управляющій съ батюшкой,—не долженъ ходить къ священнику и учителю, иначе потерпитъ матеріальный ущербъ. Но я все-таки былъ вездѣсущъ и непреклоненъ.

Управляющій былъ для меня чѣмъ-то среднимъ между княземъ и инспекторомъ.

Не долго я пробылъ здѣсь, всего два года, и, отряхнувъ прахъ съ своихъ ногъ, перешелъ въ другое село, гдѣ судьба связала меня цѣпями Гименея.

Объ этомъ я оставляю до слѣдующаго случая, дабы не навѣять на читателя скуки: не удобно писать объ этомъ съ субъективной точки зрѣнія, а иначе при описаніи такого „важнаго шага“, какъ женитьба, нельзя... Женитьба поставила крестъ „надъ всей прошлой бурлацкой созерцательной жизнью моею“.

Въ заключеніе позволю описать жизнь въ с. Г. и сдѣлать посильные выводы изъ того, что я тамъ пережилъ, будучи завѣдующимъ п имѣя помощницей супругу. Жизнь

пошла уже болѣе содержательно. Село Г. раскинулось по обѣ стороны большой дороги (шоссе). Въ немъ два священника, псаломщикъ и много другихъ изъ „чистой“ публики. Благодаря дружбѣ съ священниками и энергій я сразу завоевалъ себѣ положеніе устойчивое. Но что болѣе всего достойно пера, такъ это голуб. ученики самородки. Къ нимъ то я и перейду. Впрочемъ и раньше, и послѣ Г, я имѣлъ случаи наблюдать способныхъ дѣтей, но въ Г. особенно привлекли мое вниманіе два-три „маленькихъ Ломоносова“. Не смотря на то, что прошло уже 6 лѣтъ со дня моего выѣзда изъ Г., а я все-таки не могу забыть тѣхъ двухъ-трехъ малыхъ сихъ, которые и въ гимназій были бы въ числѣ первыхъ.

А мало ли на Руси догбло такихъ талантовъ и дарованій!

Помню такихъ ребятъ, которыхъ свѣтлый, не омраченный житейскими невзгодами, умъ такъ и рвется „изъ мрака къ свѣту“. Отрадно слышать учителю о судьбѣ такихъ питомцевъ, куда бы судьба ни забросила учителя.

Объ одномъ изъ нихъ я получилъ извѣстіе отъ учителя, человѣка весьма чуткаго и просвѣщеннаго, что П. „погибнетъ въ морѣ народнаго невѣжества, хотя еще отличается отъ другихъ развитіемъ и даромъ чудно рисовать“.

„Вотъ что печально—пишетъ collega. Вотъ о чемъ нужно не только писать, а и кричать“. Я вполне согласенъ, но я не чувствую силы освѣтить этотъ вопросъ съ объективной точки зрѣнія, хотя могъ бы насчитать цѣлую плеяду самоучекъ—свѣтлячковъ,—если такъ можно выразиться

Но что можетъ сдѣлать учитель въ пользу „Ломоносовыхъ“, кромѣ совѣтовъ и труда своего? Да и родителей вельзя винить, разъ строй въ Россіи пока еще такой, который можно формулировать словами: „И пути ему всѣ заказаны“. Правительство должно само извлекать способныхъ сыновъ изъ народа, а не случайнымъ элементомъ набивать учебныя заведенія. На долю такихъ погибающихъ дарованій въ утѣшеніе остается одно: библіотека-читальня, которая свѣтитъ хотя и отраженнымъ свѣтомъ, а все же свѣтитъ. И за это скажетъ спасибо всякій. Читальни-это такой факторъ, которому суждено сыграть большую культурную роль, если только онѣ будутъ въ рукахъ дѣйствительно про-

свѣщенныхъ и хорошихъ, любящихъ свою родину и свой народъ, людей.

Необходимо, чтобы въ печати заговорили смѣло о томъ, чтобы въ школы всѣхъ типовъ попадали болѣе способные люди, а не разные Борухи которые, потомъ занимаютъ мѣста зубныхъ врачей (къ которымъ крестьянинъ никогда не прибѣгаетъ) или просто пауковъ-коммерсантовъ „по хлѣбнова части“. Послѣдніе, въ силу своего привилегированнаго положенія, обдираютъ мужика, даже окончившаго начальную школу.

—цѣп Вотъ о чемъ нужно кричать!

Учитель Гавриилъ Молчановъ.

Доброе начинаніе и его результаты.

— Ай, да Митричь!.. Онъ еще хочетъ открыть книжную лавку въ деревнѣ!..

— Открою!.. кабаць, штоль, мнѣ открывать подобно Лапицкому?.. А?! смѣтесъ...

Какъ только Митричь заявилъ о своей затѣѣ открыть книжную лавку въ деревнѣ, такъ надъ нимъ всѣ стали смѣяться: «просвѣтитель какой нашелся». Смѣялся попъ, смѣялся дьячекъ, смѣялся церковный староста, учительница и наконецъ торговецъ-кулакъ.

— Поди-жь ты, вотъ! тысячу лѣтъ прошло никто бы не вздумалъ открывать книжную лавку у насъ... въ городахъ во многихъ книжныхъ лавокъ нѣтъ!.. а Митричь вотъ откроетъ!..

— Посмотримъ, какъ онъ заторгуетъ книгами!..

— Идея, братъ! . чтожь!.. нечего сказать!..

— Бахваль, извѣстное дѣло!.. говорили старики: работать не хочетъ; газеты выписывать сталъ, журналы!.. грамотѣй тоже нашелся...

-- Подати не плочены, а онъ съ газетами да съ журналами носится...

— Пошляки вы, возражалъ Митричь. Кто васъ считаетъ за людей?! Вы хотите, чтобы и дѣти ваши такими же были, какъ вы сами!.. Какъ бы не такъ!.. нѣтъ, шалишь!.. мы будемъ жить по новому... Не одинъ я, погоди-ко, вся теперешняя молодежь, только станетъ хозяевами, всѣ стануть выписывать газеты и журналы и будутъ покупать и читать книги... на то и учать насъ грамотѣ въ школахъ...

Одинъ только учитель, Тарасъ Михайловичъ, не смѣлся надъ Митричемъ. Но онъ говорилъ:

— Эхъ, Митричъ, Митричъ,—загубишь ты самъ себя! Ну что ты этимъ сдѣлаешь одинъ! Вѣдь ты знаешь, что ты одинъ, какъ перстъ одинъ! А одинъ—что въ морѣ капля воды! Кто твои книги покупать будетъ? Вѣдь ты знаешь, что деревня паша не приучена къ книгамъ...

— А я-то причемъ здѣсь? Вы, учителя, виноваты, что народъ не приученъ къ книгамъ!.. Вы!! понимаете: вы!!! а не я! я знаю свое дѣло. Да гдѣ же онъ и возьметъ ее, книгу-то! Пѣзжай въ городъ, да еще и въ губернскаѣ.

— Не въ томъ дѣло! Время-то теперь дикое сошлютъ тебя, какъ агитатора,—вотъ что!..

— Ну, такъ чтожь? и пусть ссылають!.. Я не боюсь!.. Это вы за шкуру дрожите и отъ вашей инспекторской программы не отступаете ни на шагъ... учителя!.. А мнѣ все равно! лишь бы дѣло было! Не я первый, не я и послѣдній буду въ ссылкѣ!..

— Вотъ въ томъ-то и суть, что дѣла-то не предвидится! Ты хочешь сдѣлать рекламу.. что бы книга была у всѣхъ на виду: вотъ-де, ребята, покупайте книгу! она у васъ подъ носомъ ..

— И вы смѣтаете надо мной! А еще учитель!.. Реклама! Эхъ! никакой нѣтъ рекламы! Я просто хочу работать для блага народа! я не хочу, чтобы народъ нашъ находился въ темнотѣ и невѣжествѣ!.. И не могу равнодушно относиться къ его страданіямъ! Продамъ на десять рублей въ годъ книгъ и то уже польза народу. Я не изъ выгоды и не изъ коммерческаго какого-либо расчета хочу открыть книжную лавку, и прошу васъ не пздѣваться надо мной и не вмѣшиваться въ чужія дѣла!.. Всякій воленъ дѣлать то, что ему заблагоразсудится!.. На то и свобода дана!.. Вы за нее, за манифестъ-то этотъ о свободахъ, не страдали и кровь свою не проливали, а дѣйствительные, истинные «народные» учителя, тѣ давно по тюрьмамъ и ссылкамъ!.. И я должель хоть что либо да сдѣлать для блага народа или же подобно имъ страдать!.. А вы оставайтесь злѣсь!.. валяйте на чужой спицѣ!.. Какъ жалкій рабикъ. Вы цѣлы будете, ничего не дѣлая!.. васъ никуда не возьмутъ!..

— Да вѣдь ты же не мало дѣлалъ, не мало провозился надъ организацией выписки обществомъ газеты и журнала мо-

лодежью, а что вышло?—Игнать купилъ гармонь, а Семень ружье...

— Такъ по вашему, значить, если Игнать да Семень остались дураками, то мы и должны сидѣть сложа руки и не дѣлать никакой попытки?! Сидите!.. чтожь!.. вамъ платить земство гроши за то, что вы въ школахъ молча учите дѣтшекъ грамотѣ... Да еще громкій титулъ себѣ присвоили: „народный учитель“; а учите ли вы народъ?..

— Учимъ, конечно постолюку, поскольку это возможно ..

* * *

Прошелъ мѣсяцъ. Митричь успѣлъ сколотить денегъ на покупку книгъ: продалъ пеньку, лень, теленка. Нѣсколько разъ побывалъ въ губернскомъ городѣ и два раза былъ даже у самого губернатора. Но разрѣшенія на открытiе книжной лавки все таки не добился.. лишь полиція стала за нимъ слѣдить...

— Что Митричь: какъ дѣла съ книжной лавкой-то?

— Кто бы смѣялся, а дьячекъ бы помолчалъ. Вѣдь ты интеллигентомъ деревенскимъ себя воображаешь «прогрессистъ»... Биржев. Вѣд-сти получаешь... Либераль ты несчастный! Какъ тебѣ не стыдно надъ чужимъ горемъ смѣяться! ну, не добился; такъ чтожь изъ этого?.. добьюсь когда-нибудь.. открою!.. А ты живи вѣчно по старому, служи свои панихиды.. въ коляду ѣзди по мужикамъ!.. доброе дѣло! У васъ гражданскаго мужества столько нѣтъ, сколько у самого послѣдняго мужика!..

— Ты, братъ, потише съ своимъ гражданскимъ мужествомъ!

— А что: донесешь? Доноси, слѣлай милость...

— И донесу... чтожь ты думаешь?

* * *

Миновалъ годъ. Однажды въ этапномъ домѣ одной изъ сѣверныхъ губерній сошлись двѣ партiи ссыльныхъ. Въ одной оказался Тарась Михайловичъ, въ другой Митричь—худой такой, болѣзненный; видно, что человекъ уже много всего перенесъ, передумалъ и перестрадалъ... Начались привѣтствiя, безсвязные вопросы и такiе же отвѣты.

— Ну что, Митричь! Какъ дѣло съ книжной лавкой?!

— Э! что, Тарась Михайловичъ! Правильно вы говорили тогда, что одинъ я.

— А помнишь, какъ ты меня кадетомъ обозвалъ?

— Какъ же не помнить... Только вы не кадетъ чай... Кадетовъ вишь въ ссылкѣ не видать... Вы не сердитесь на меня, Тарась Михайловичъ!

— Что ты? что ты, товарищъ? это мнѣ у тебя прощенья просить надо..

У нихъ текли слезы отъ радостной и вмѣстѣ съ тѣмъ грустной встрѣчи.

Однако расчувствовались! глядя на нихъ промолвилъ сердито матрость въ арестантской сѣрой шинели.

— А въ углу въ это время хорошо и стройно пѣли подъ управленіемъ одного учителя южанина: «смѣло, друзья; не теряйте бодрость въ неравномъ бою! Родину мать вы спасайте. честь и свободу свою!.. Если-жь погибнуть придется въ тюрьмахъ и шахтахъ сырыхъ; дѣло всегда отзовется на поколѣньяхъ живыхъ!..

— А все-таки я книжную лавку открою, восторженно промолвилъ Митричъ, подходя поближекъ пѣвцамъ и приготовляясь примкнуть къ нимъ.

* * *

Долго потомъ разговаривали Митричъ съ учителемъ. Тарась Михайловичъ, этотъ единственный человѣкъ въ селѣ, который не смѣялся надъ Митричемъ, вѣрилъ, что Митричъ искренно работаетъ для блага народа, и въ душѣ сознавалъ, что еслибы было побольше такихъ Митричей у насъ на Руси, то скоро бы нашъ народъ поднялся на ноги и вышелъ бы изъ того хаоса, въ которомъ онъ въ настоящее время находится.

И вотъ теперь, стыдясь самъ себя, сознавая свою вину предъ народомъ, который кормилъ его своимъ хлѣбомъ, потомъ и кровью добытымъ, Тарась Михайловичъ говорилъ:

— Да, дѣйствительно мы, учителя, работаемъ для блага народа «постольку поскольку это возможно»... Вотъ я,—что я сдѣлалъ для народа? Да, я училъ зимой дѣтишекъ грамотѣ, а лѣтомъ?... Полгода спалъ... на каникулахъ... Я даже не сдѣлалъ и такой попытки, какъ ты, не постарался открыть хотя бы бібліотеку для народа. И какъ жаль теперь потеряннаго времени!... Только когда тебя арестовали, я взялся за дѣло, началъ устраивать воскресныя чтенія, совѣтывать крестьянамъ выписывать газеты... А какое бы я громадное вліяніе имѣлъ

на народъ, какъ «народный» учитель!... Не «народный» учитель я, а я учитель грамотности!... И не имѣю нравственнаго права называть себя «народнымъ» учителемъ...

Онъ глубоко вздохнулъ.

— Какъ жаль, какъ жаль, что мы мало что сдѣлали... Мы спали какъ трусливые рабы!... и какъ много нужно работать, неустанно работать надъ самимъ собой и надъ окружающею насъ средой. Я даже не знакомъ съ сочиненіями многихъ писателей... Питался все мертвечиной изъ за своей рабьей трусости и инертности. Мнѣ стыдно вотъ этого слесаря, который идетъ вмѣстѣ со мной. Какіе вопросы задавалъ онъ мнѣ!... Мнѣ, столько проучившемуся, не подсилу было отвѣчать на эти вопросы. Онъ ухитрился и въ ссылку завести уйму книгъ; а у меня коробки табаку и коробки гильзъ.

И душа этого порабощеннаго учителя очнулась отъ долгаго сна, стала свободной и запросилась на волю, на просторъ. «Только бы возвратиться, чтобы работать, работать и жить»...

Нѣтъ преградъ свободному человѣку!! Работайте!!!

Г. Полячковъ.

Жизнь — сказка.

Это была жизнь — сказка. Сказка глупая, противная, ужасная.

Безтолковое дѣтство, такая же юность и смерть въ ночлежкѣ — финаль...

А былъ человекъ: кипѣлъ, думалъ, волновался. Старательно махалъ крыльями, по полетѣть такъ и не собрался...

Я познакомился съ Большаковымъ случайно у своего пріятеля и вотъ теперь, слышу, мой знакомый умеръ. Умеръ столь же безтолково, какъ и жилъ. Но почему-то сердце сжимается острой болью отъ такихъ извѣстій, словно потеряло оно что-то близкое, хорошее, дорогое...

— Вотъ, братъ, тебѣ живой матеріаль; это, братъ, типъ, — острилъ пріятель, знакомя насъ.

— А вы стало быть изъ писателей будете? — безъ предисловія обратился Большаковъ.

Я кивнулъ конфузливо головой.

— Та-акъ, — протянулъ онъ. Репортажемъ сплетень занимаетесь или болѣе высокими матеріалами?

— И то и се — подтвердилъ я.

— Поганое дѣло, товарищъ, — вдругъ оживился Большаковъ. Послушайте меня, заѣзжаннаго пролетарія. Бросьте, пока не поздно, всю эту дребедень... И погромче насъ были вити, а что толку? Возьмите-ка лучше какое-нибудь «дѣло другое», хотя старикъ Некрасовъ и противъ.

Я хотѣлъ было возражать, но такъ и не успѣлъ.

— Не сердитесь, не сердитесь, молодой человекъ, оставивалъ Большаковъ. Мы люди свои... Вотъ и потолкуемъ.

Я вѣдь только съ виду кажусь такимъ лѣшимъ, а на самомъ дѣлѣ славный парень, хоть у него спросите, кивнулъ онъ на хозяина. Я, милостивый государь, былъ тоже съ идеями, какъ принято выражаться... Идеалы тамъ разные... сладкія мечтанія и прочая дребедень въ этомъ родѣ... Только о хлѣбѣ забывалъ, о простомъ черномъ кускѣ, но, какъ на зло, его-то въ концѣ концовъ и не оказалось. Не оказалось и угла. Издыхай бездомная собака съ голоду... да..!

Большаковъ видимо былъ на веселѣ и въ ударѣ; слушать, значить, было и интересно и поучительно.

— Да, — повторилъ онъ злобно. Я вотъ такимъ же манеромъ миндальничалъ... И стишки тамъ всякіе и рассказы, а въ результатѣ — вотъ! (Большаковъ вытянулъ руки съ равными локтями и ноги въ дырявыхъ галошахъ). И эту штуку я обязанъ называть *жизнь*? Будь она проклята, коли это жизнь! Нѣтъ! я ошибся — заключилъ онъ глухо. Это не жизнь, а кошмаръ. Жизнь будетъ впереди, — бурная, кипучая, боевая... Жизнь — битва! А это... это мразь какая-то! Длинный, гадкій сонъ. Ваня, нѣтъ ли у тебя тамъ водочки, — неожиданно обратился Большаковъ къ хозяину. Принеси пожалуйста...

— Не лишка ли, Павелъ Петровичъ, будетъ, — пробовалъ быдо протестовать тотъ.

— Не говори мнѣ, пожалуйста, Ваня, никогда такъ, — обидѣлся Большаковъ. Я душу, братъ, сейчасъ передъ молодымъ литераторомъ вылью. Пьяный-то я только до чистыхъ мечтаній и поднимаюсь, а трезвый что? Гадъ, тряпка, мразь, слякоть... На дома, Ваня, стыдно смотрѣть, а не только на людей... Виноватъ, обратился онъ ко мнѣ: какъ васъ зовутъ?

Я назвалъ себя...

— Ну и хорошо. Такъ вотъ что, Николай да свѣтъ Николаевичъ, — читали вы когда нибудь у Куприна «Съ улицы»? Рассказецъ такой есть... Чудная вещь... Мнѣ она дорога тѣмъ, что точно съ меня рисована.

Павелъ Петровичъ опустилъ голову и задумался... Потомъ быстро встряхнулся, налилъ стакашъ водки и хлопнулъ его до дна...

— Вотъ та-къ, — сластолюбиво протянулъ онъ. А теперь послушаемъ, что бывшій человекъ повѣдаетъ литературному міру... Вы не сердитесь на меня, спохватился онъ. Я не издѣваюсь. Я отъ чистой души. Привычка у меня ехидничать

словами еще отъ газетныхъ временъ осталась..

Большаковъ вслалъ и задумчиво прошелся по комнатѣ.

— Теперь, продолжалъ онъ, я буду хвалить, м. м. г. г., себя и поносить всю человѣческую породу. Ваня, тащи-ка Марусю.. Что она тамъ запропала. Эхъ и люблю же я ее, — неожиданно вырвалось у Большакова, когда хозяинъ вышелъ за сестрой. Вотъ вѣдь какой зналъ... на рукахъ носилъ, сказки сказывалъ... себя звѣздой воображалъ, а теперь..

Разсказчикъ съ горькой безнадежностью развелъ руками. Въ комнатѣ стало тихо. Было что-то тяжелое въ этой тишинѣ, точно лежалъ тутъ трупъ дорогого всѣмъ человѣка.

— Дядя Паша, — вотъ и я — зазвучалъ голосъ Маруси. Дѣвушка вошла и нарушила своимъ приходомъ тишину. Ты опять, говорить, крошечку выпилъ? — обратилась она къ Большакову

— Выпилъ, милая, выпилъ, — нѣжно повинился тотъ и любовно посмотрѣлъ на дѣвушку.

— Охъ ужъ ты только, — шутливо погрозила она.

— Посидимъ, Марусенька, потолкуемъ, — примирительно молвилъ Павелъ Петровичъ. Я Николаю Николаевичу жизнь свою распроклятую хочу разсказать..

— Это еще зачѣмъ? Себя разстраивать? — капризно надулась Маруся. Зачѣмъ вспоминать, что прошло?

— Стихъ такой, Марусенька, нашель.. Понимаешь — стихъ.. Эхъ, жаль Алексѣя нѣтъ! Тоже свидѣтелемъ былъ всѣхъ моихъ аварій..

— Да, — безвучно прошептала Маруся, поглаживая руку Большакова.

Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на свѣжую, чистую дѣвушку и на загаженнаго, заношеннаго, испитого оборванца. Слишкомъ ужъ контрастъ билъ по глазамъ и нервамъ.

Павелъ Петровичъ поймалъ мой взглядъ и сконфузился.

— Ну, теперь начнемъ, — въ замѣшательствѣ заговорилъ онъ и отодвинулся было отъ дѣвушки; но та ласково прижалась, какъ кошечка, къ его плечу и весело звонко засмѣялась.

«Въ началѣ своей карьеры я былъ сельскимъ учителемъ, приступилъ наконецъ къ разсказу Павелъ Петровичъ. Цѣль не дурная, но средства поганья. Законопатили меня, раба

божья, въ чертовъ уголь, седи молъ тамъ, г. просвѣтитель, одинъ одинешенекъ.

Почвой единенія съ интеллигенціей, такъ называемой, сельской—только одна отечественная, съ народомъ не лучше того.

Пробоваль было вначалѣ жить по человѣчьи—оказалось невозможно. Комплекція у меня должно быть такая! Сидишь одинъ въ своей конурѣ... Сыро, грязно, неуютно, ну и осточертѣешь. Пойдешь къ мужикамъ—не лучше того. Просто хоть въ воду... Крѣпился, крѣпился да и запилъ... Такъ запилъ, что небо съ овчинку показалось...

И пошла у насъ жизнь—что твоя малина.. То мужики ко мнѣ, то я къ нимъ, и все выпивка, все выпивка. Повандился еще потомъ по посидѣлкамъ ходить, съ ребятами знакомство свель, ну а это публика ужъ извѣстная. Скоро меня голубчика прогнали, да и нельзя иначе. Забралъ я свой скарбъ и айда въ городъ искать новое счастье. Найти счастья, конечно, не удалось, а въ передѣлъ пришлось въ хорошіи попасть. Ухъ—вспомнить жутко!

Марусенька, дай, милая, еще стаканчикъ, —заискивающе просилъ Большаковъ у сосѣдки.. Та поднялась и съ видимой охотой налила водку.

Павель Петровичъ съ нескрываемымъ восторгомъ слѣдилъ за движеніями дѣвушки и торопливо выпилъ стаканъ...

Грошей у меня не было,—продолжалъ онъ свой рассказъ. Пришлось въ первое же время проѣдать свои учительскіе костюмы..

Охъ, молодой человѣкъ, не доходите вы до этой гадости, что проѣданіемъ костюма зовутъ. Самое послѣднее дѣло! Брось тогда, смертный, всякую надежду!..

А мнѣ пришлось—тыкалъ онъ въ мою сторону пальцемъ. Пришлось босяковать, голодать и мерзнуть...

— Предлагаль было мнѣ благодѣтельный инспекторъ обратиться въ общество взаимопомощи учителей. Но я, что называется, на дыбы.. Молодъ былъ, гордъ...

— А теперь, Паша? улыбаясь спросила Маруся...

— И теперь, Марусенька, и теперь! Тотъ же чертъ во мнѣ сидитъ. Тогда такъ прямо смѣшно было. «Это изъ мертворожденнаго-го общества возьму?» удивился я на предложеніе инспектора. Лучше съ голода издохну, а не возьму... По-

чему это? заинтересовался мой благодѣтель. Потому, мой милѣйшій, отвѣтвую я, что я всегда былъ противъ этого чиновничьяго выкидыша. Скажите пожалуйста:—гдѣ тутъ учитель? Обратился Большаковъ къ намъ. Развѣ составляетъ это несчастное общество какую-нибудь самостоятельную, самодѣятельную организацію? Вѣдь этого же ничего нѣтъ. Всѣми дѣлами воротятъ господа отъ бюрократіи, гнутъ все подъ чиновничьимъ угломъ. Учителя только платятъ со своихъ окладовъ опредѣленный процентъ, а распоряжаются ужь чиновники. Развѣ при организованности учительства возможна такая штука, что вышла со мной? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ.

— А что же, тогда бы сами учителя выгнали? спросилъ хозяинъ, иронически улыбаясь...

— Не язви, Ваня, не идетъ это къ тебѣ, огрызнулся рассказчикъ, слушай лучше отвѣтъ господина инспектора.

«Организованность, сплоченность», растягиваль онъ мнѣ въ отвѣтъ «Да кто-жь вамъ это позволить? Вѣдь тогда ужь учительство будетъ сила, съ которой придется считаться. Нѣтъ, молодой человекъ (а я тогда какъ разъ такой и былъ), такъ нельзя! Нельзя такъ! Съ учительскихъ взносовъ получается извѣстный капиталъ; на черный день любому члену пригодится. Похороны тамъ, свадьба, крестины—мало ли что бываетъ—тоже вѣдь люди»..

Вотъ, подумаешь, Америку открылъ: учителя у него «тоже вѣдь люди»...

А одинъ изъ этихъ «людей» явился къ г. предсѣдателю общества и получилъ шпильку. Выходитъ этотъ самый бюрократъ въ прихожую и спрашиваетъ у своего личарды: который тутъ учитель Большаковъ? Въ прихожей насъ было только двое: личарда и я. Ну, я и указалъ: вотъ, говорю, должно быть онъ.. Какъ раскричится, заволнуется на меня г. предсѣдатель—вонь! говорить.

Картина получилась эффектная! Да я еще подлилъ масла... Связилъ еще чего-то... чего,—право ужь не упомяну... Обида меня озлила. На свадьбы да на крестины деньги даютъ, а голодному нѣтъ ничего. Публика тоже!!!..

Большаковъ опять опустилъ голову и замолчалъ, точно онъ все это сейчасъ пережилъ вновь. Маруся прыгнула со стула и убѣжала на кухню. Скоро она снова появилась и пригласила всѣхъ пить чай.. Большакову такъ и не удалось

рассказать всё свои похождения, а мнѣ болѣе не пришлось его видѣть.

Теперь только Маруся рассказала всю его біографію отъ дѣтства до смерти съ петлей изъ пояса на шеѣ. И что этъ за жизнь? Прямо все отъ начала до конца мука, пытка, — нелѣпость и рядъ неожиданныхъ превращеній...

Маруся, теперь уже пемолодая дѣвушка—учительница, до сихъ поръ боготворить своего дорогого незабвеннаго «дядю Пашу». Она со слезами сообщила мнѣ извѣстіе о его смерти. Одинокая дѣвушка лишилась брата, котораго угнали въ ссылку, лишилась теперь и дяди Паши. Осталась безъ средствъ, безъ друзей, но съ бодрой вѣрой въ свои силы, съ яркой надеждой на свѣтлое будущее. Она одна пока со своимъ тяжелымъ горемъ, но не сломить ему молодой женщины, выступившей въ жизнь съ жаждой мести, съ жаждой свободы, за которую она готова биться не на жизнь, а на смерть.

Въ своихъ скитаніяхъ по бѣлому свѣту я случайно былъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ учительствовала Маруся, и стоить-же случайно завернулъ въ школу. Здѣсь-то и узналъ всю жизнь Большакова.

Маруся обрадовалась мнѣ какъ родному и упросила побыть у ней, чтобы она могла отвести душу со свѣжимъ человѣкомъ, какъ выразилась сама дѣвушка. Отвести душу ей приходилось дѣйствительно рѣдко. Глушь была непролазная! Не только свѣжій человѣкъ рѣдко наворачивался—даже почта приходила одинъ разъ въ недѣлю...

Послѣ первыхъ же привѣтствій Маруся объявила мнѣ: Вы слышали, Николай Николаевичъ,—вѣдь дядя Паша умеръ?

— Это какой дядя Паша?—не сообразилъ я.

— Ну, да тотъ что... замаялась Маруся... словомъ, Вы понимаете... Вы познакомились съ нимъ у насъ—во времена лучшей жизни всѣхъ насъ..

— А-а, это Большаковъ—догадался я наконецъ.

— Да-да-да.. Задавился—представьте! Не перенесъ тяготы... Загрызли, заѣли, окаянные... а какой человѣкъ былъ... мало такихъ... Умеръ... погибъ... за что,—лепетала Маруся несвязно...

Скоро она овладѣла собой; рассказала мнѣ всё подробности смерти Павла Петровича и показала большую тетрадь,

завѣщанную авторомъ послѣ смерти своей любимицѣ. Часть тетради,— именно автобіографію—я, съ разрѣшенія владѣлицы, и помѣщаю здѣсь...

...Гадко жить на бѣломъ свѣтѣ. Гадко, жутко, нудно... То мелкіе уколы точно острыми иглами пронизываютъ все тѣло; то нахально подлая насмѣшки бичемъ щелкаютъ, то ядъ воляется въ душу, то холодъ ознобить и заморозить все живое, бодрое, человѣчное... Все что есть свѣтлаго, чистаго, идеальнаго въ человѣкѣ—загажено, оплевано и продается за гроши или топчется въ грязь. Такъ жить нельзя! Это не жизнь, а подлая пародія на жизнь! Да развѣ же это жизнь! Тебѣ, Марусенька, моя невинная, чистая, вѣрящая въ добро дѣвушка, тебѣ передаю свой послѣдній вздохъ и послѣднее прости... Я жить не могу, Маруся. Тебя это опечалить, но я не могу. Не могу, пойми, моя голубка, тянуть эту подлую, проклятую лямку! Желаю тебѣ счастья и оставляю оправдательный документъ, что не ошибалась ты въ дядѣ Пашѣ... Милая, милая, милая... Не сердись, что не красиво умерь... Впрочемъ, нѣтъ, ты не изъ тѣхъ... Тебѣ нужна лишь правда, хотя бы она была голая, неподкрашенная и ненарядная правда... Ну еще разъ—желаю счастья... для тебя лишь одной... Въ другихъ людей не вѣрю. Потерялъ вѣру... Не нужно мнѣ ихъ участія, или помнишь, милая, у Фофанова:

«*Мое* имъ счастье не нужно,

А *ихъ* «мнѣ» кажется смѣшно...

Тетрадь писалъ лишь для тебя одной и ты лишь одна имѣешь право распоряжаться ею по собственному расположению. Біографію мою ты почти уже знаешь, но я оставляю тебѣ еще письменно... Люблю я тебя, Маруся. Съ твоимъ именемъ на устахъ умираю... Иначе сдѣлать не могъ...

(Дальше стояли какіе-то стихи, но авторъ тщательно ихъ зачеркнулъ. За ними слѣдовала автобіографія).

Родился я въ 18.. году 9 сентября въ семьѣ бабки просфорни. Отецъ мой былъ учителемъ и пріѣхалъ на 8 сентября въ гости къ тещѣ пьянствовать. Судьба милостиво устроила мнѣ пьяную встрѣчу при первомъ же появленіи на свѣтъ и строго обставляла этими декораціями всю послѣдующую жизнь до самой смерти. Проклятая баба эта судьба, Впрочемъ и всю эту бабью породу я не очень жалую... Лишь

ты, Марусенька, — мой свѣтлый, добрый геній, лишь ты мое божество, составила счастливое исключеніе. Изъ всѣхъ людей — лишь о тебѣ у меня страдало и мучилось сердце. Боялся я, что свернешь и ты на торную дорогу сытой пошлости, но теперь я за тебя спокоенъ.. Я счастливъ тобой, Маруся, хотя и умираю; умираю, чтобы тебѣ легче жилось. Вѣдь ты, я знаю, за меня страдаешь; тебѣ больно, что я спился.. Но нѣтъ, я не опошился, и въ томъ порука смерть. Не жизни я, Маруся, испугался: она давно гдѣ-то тамъ шла мимо меня, но.. но.. просто не стоитъ жить. Стыдно мнѣ жить въ такое время, Маруся. Отсталъ я отъ жизни. Я ныть да о высокихъ матеріяхъ только и могу разговаривать разговоры, да и то лишь пьяный.. А ныть дѣло нужно. Нужны бодрые, трезвые люди, люди дѣла, а не фразы.. Эти люди вы, молодая русь. Ты, Марусенька, для меня идеаль молодой россіи, идеаль свободной, работоспособной дѣвушки.. Что васъ ждетъ?!? Ухъ! Духъ отъ счастья захватываетъ, голова кружится.. А вы идете безъ мечтаній, безъ фразъ, — вы идете, вы должны идти въ славное царство.. Намъ, мозглякамъ, только мечталось и мы снились.. Среда заѣла, жизнь разбита. Мы лишь махали крыльями и боялись летѣть.. Мы трусы, жалкіе подлые трусы! Хуже, мы Обломовы отъ различія! Мы хуже Обломова отъ барства. Тотъ имѣлъ нѣкоторое хоть оправданіе своей лѣни, а мы что имѣемъ? Намъ стыдно, горько, обидно, Маруся, — и завидно на васъ.. Вотъ ужъ именно, что «потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ», и слѣдуетъ, ибо кромѣ презрѣнія мы ничего ровнехонько не заслужили.. Паразиты мы краснорѣчивые, трутни, дармоѣды, — мы тормозимъ только ваше славное шествіе.. Прочь съ дороги подобная мнѣ мразь! Не нужны вы — уходите! Скорѣй взойдетъ солнышко.. И я ухожу со стыдомъ, съ проклятіемъ на даромъ прожитую жизнь.. Но все-жъ и біографію послушать слѣдуетъ.. Все вездѣ и всюду пьянство! Одно только пьянство! Такъ жизнь, значить, началась среди деревенскаго буйнаго разгула, дальше шла она среди этихъ же цвѣтовъ отечественной культуры.. Началомъ сознательной моей жизни былъ слѣдующій фактъ: Я лежу на полу, а отецъ мой лупитъ меня какъ сидорову козу. Я реву, лижу у палача руки и молю о пощадѣ. Просвѣтленіе сознанія, какъ видишь, началось при обстоятельствехъ тоже изъ отечественнаго альбома. Далѣе.. Кто-то ска-

заль: Счастливая пора, невозвратная пора дѣтство! Будь оно проклято это дѣтство и не дай Богъ, чтобы оно возвратилось... Только и помнишь: тогда-то били кулаками, тогда-то розгами. Тамъ заставляли стоять на колѣняхъ и просить прошенія, а потомъ приказывали самому принести розгу и самого же пороли... Это ли не счастье! Ни одного-то счастливаго воспоминанія не осталось изъ *невозвратной* этой поры. Помню лишь, что хотѣлъ сбѣжать съ цыганами—драли. Хотѣлъ уйти въ монастырь—поймали и драли. Словомъ всё попытки уйти изъ дьявольской атмосферы кончались неизбежной поркой или просто побоями. А былъ я мальчикъ любознательный, впечатлительный, родители были тоже люди, а не звѣри, но пьянство и пьяная атмосфера все поглощала. Я ужъ тогда въ минуты родительской ласки началъ пить водку. Какъ ни противно было, но все же приходилось пить. Дальше началась школьная пора. Отдали меня въ бурсу съ сильнымъ запахомъ помяловщины. Что тутъ пришлось переиспытать—понятно тоже... На переломѣ возраста я одѣлся въ тогу цинизма и атеизма. Свободно и нагло рисовался я безбожіемъ и сальными картинами изъ женскаго обихода. Женщина не была человѣкомъ, а трактовалась у всѣхъ насъ подѣ известнымъ угломъ и съ известной точки зрѣнія. Какъ я грязенъ и противень былъ, Маруся, даже себѣ тогда, ты, моя чистая голубка, даже представить не можешь. Что представить? Гдѣ же тебѣ, да и зачѣмъ? Вѣдь не нужна же для голой жизненной правды грязь и именно грязь. Грязь есть, но зачѣмъ на ней именно останавливаться; на нее можно смотрѣть, какъ на неизбежное зло. Смаковать же ее подло! Да, подло, Маруся! А мы ее-то и смаковали! Купались въ свое удовольствіе въ грязи и получали удовольствіе хрюкающей свиньи. За мой ядовитый цинизмъ меня почему-то стали всё считать даровитымъ юношей и надеждой бурсы и чуть не гениемъ. Всю ту гениальность я хотя показывалъ въ рукописномъ журналѣ, да въ стычкахъ съ преподавателемъ философіи, коли тотъ на кого-либо изъ философовъ шибко навретъ въ классѣ. Читать-то я читалъ порядочно и насчетъ вычитаннаго могъ блудить сколько душевнѣкѣ угодно. Ну-съ, кончилась моя кое-какъ учеба и поѣхалъ я въ учителя. Тутъ пришлось столкнуться съ жизнью реальной и съ начальственнымъ произволомъ. Не ужился—прогнали. Бунтарь, говорятъ! Бунтарь и

пьяница! Послѣ того я запилъ и попалъ въ форменные босяки. Ладно одна газетка предложила репортажъ и сталъ я изъ учителей литераторомъ.

Вотъ тутъ-то я и узналъ тебя, Маруся. Какъ сейчасъ помню: сидимъ мы за чаемъ и споримъ, шумимъ съ твоимъ братомъ... Ты сидишь и слушаешь—внимательно слушаешь. Глаза у тебя темные темные. . Темные и глубокіе... Не удержался я, схватилъ тебя на руки и расцѣловалъ. Съ той поры стали мы пріятелями. Потомъ явился на нашѣмъ горизонтѣ Алексѣй... Чудо человѣкъ.. и составилось у насъ тріо... Братъ твой отдѣлился, а ты, подростокъ, все съ нами. Помнишь, какъ дядя Паша явился въ опоркахъ изъ дальнихъ странствій? Нѣтъ, ты не забыла? Не забыть и мнѣ этого никогда. Я тутъ въ первый разъ почувствовалъ, что ты женщина. Женщина любящая, готовая на все, не считаюсь съ узколобой моралью даже родного брата... Эхъ, Маруся, дорого мнѣ всегда было воспоминаніе объ этомъ времени! Это свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ моей жизни! Уѣхалъ я, какъ слѣдуетъ, а обратно явился на липовой машинѣ, какъ выразился твой братъ. Аварію, говорю, потерпѣлъ! Послѣ намъ всѣмъ стало плохо. Не прочно человѣческое счастье. Брата твоего услали, Алексѣя посадили, а я .я совершенно некстати запилъ. Осталась ты одна.

Прошли года... Ты поднималась выше, я опускался все ниже и ниже.

Ты пошла въ народъ, я сдѣлался завсегдатаемъ кабацкимъ и имъ умираю.

Живи. Маруся! Работай для народа: онъ стоитъ того! Не забывай и своихъ colleg'ъ по оружію: имъ тоже нужна поддержка, нуженъ обмѣнъ мыслей, взглядовъ, впечатлѣній, нужна сплоченность. Работай, Маруся! Ты знаешь, что благиими пожеланіями *уже* вымощенъ адъ, но пожеланія все растутъ и растутъ... Мало однихъ пожеланій!? «Учитель народный *долженъ* быть *мученикомъ*», сказалъ недавно одинъ изъ вашихъ ораторовъ при выборѣ делегата на всероссійскій съѣздъ учительскаго союза.

Недурно сказано! Но много ли нужно труда, чтобы за громкой фразой видѣть лишь благой порывъ и пожеланіе, годное только на адское дно?

Судь сама...

Для мученичества нужна экзальтація, нуженъ энтузіазмъ...! Во всякомъ случаѣ, какъ первое, такъ и второе— психологически ненормальное явленіе.

Ужели же для сельской школы нужны не здоровые работники, не трезвые реалисты, а люди съ хронически повышенной психологической жизнью—словомъ люди не отъ міра сего?

Нѣтъ, Марусенька, тысячу разъ нѣтъ! тутъ нуженъ терпѣливый обучатель часто безтолковыхъ ребятъ сѣрой неграмотной деревни; это трудъ кропотливый, одуряющій, но обязательный для учителя. Прежде чѣмъ открывать населенію широкіе горизонты, учитель обязанъ дать народу грамотность, простую, безъ яркихъ красокъ грамотность.

А потомъ эти горизонты широкіе уже будутъ доступны. Здѣсь-то какъ разъ и не мѣсто громкихъ фразъ и красивой позы, а самое незамѣтное дѣло рядового работника. Кромѣ того, нужно съ горечью согласиться, что въ культурномъ отношеніи не очень высоко стоитъ нашъ сельскій учитель, хотя и не по винѣ его самого..

Волна современнаго движенія захватила его неготовымъ, захватила совершенно въ расплохъ и онъ растерялся..

Началось рысканье по брошюрочной литературѣ, но партійнымъ программамъ и, гдѣ это можно, по собраніямъ...

Словомъ сдѣлали шумиху. Она привела къ учительскому союзу, который по чѣлямъ пока служитъ яблокомъ раздора...

Добрые идеалисты требуютъ отъ учителя мученическаго вѣнца, а трезвые реалисты хотятъ видѣть въ учителѣ сознательнаго, культурнаго, хорошо обеспеченнаго работника...

Дѣйствительно, нашъ сельскій учитель въ захолустьи не имѣетъ возможности ни читать, ни думать.

Даже думать! Да, именно такъ! Сидитъ онъ тамъ и не видитъ ни свѣжаго человѣка, ни серьезной новой книги, а выписать не на что! О чемъ же прикажете ему думать? Поневолѣ приходится погружаться въ обывательскую тину... На самомъ дѣлѣ въ учительской массѣ приходится пока констатировать отрицательныя черты буржуазіи и заводскаго пролетаріата и полнѣйшее отсутствіе классоваго самосознанія.

На факты глаза закрывать нельзя, ихъ нужно видѣть и считаться съ ними, не обращая вниманія на то, что они спрятаны за лохмотья и обрывки громкихъ фразъ и чужихъ мыслей...

Учитель мученикъ дѣйствительно, но только съ другого конца... Реальная жизнь его заставила быть такимъ. Она скомкала, сжала и притиснула къ стѣнѣ. Ни выхода, ни просвѣта! Но возлагать еще мученичество идейное, возлагать и обязывать на мученическій вѣнецъ и невозможно и положительно вредно для дѣла просвѣщенія.

Нужно помочь безправію, нищенскимъ окладамъ, дать средства къ самообразованію, а потомъ... Тамъ ужъ виденъ будетъ трудъ обезпеченнаго учителя...

Работай, Марусенька, не трусь! Дѣла много, просторъ широкій; препятствія васъ не остановятъ.. Вы, молодая русь, не бойтесь препятствій, они васъ разжигаютъ и придаютъ новыя силы для борьбы со зломъ, со тьмой, съ не вѣжествомъ.. Ну, прощай же, Маруся.

Твой до гроба и за гробомъ *дядя Паша*.

Я умираю въ петлѣ изъ пояса...

Вотъ и все, что хотѣлъ Павелъ Петровичъ передать своей любимицѣ. Чего же тутъ особеннаго, чего сказочнаго? Все, читатель, все! Сгилла безъ смысла и пользы крупная культурная сила, погибъ человекъ, который могъ бы еще быть полезенъ родной землѣ. А сколько ихъ такихъ, что устыдились своей жизни?

Я пробылъ у Маруси два дня и она все время была въ какой-то лихорадкѣ... То плакала о дядѣ Пашѣ, то съ жаромъ говорила о будущихъ работахъ. Водила меня въ школу и я свидѣтелемъ невольнымъ былъ органической связи дѣтей и учительницы. Это та связь, что ворочаетъ горами. Имя ей «любовь»...

Кончикъ.

По поводу статьи Г. Послужившаго „Жалобы учителей“*)

Въ своей статьѣ „Жалобы учителей“ Г. Послужившій спрашиваетъ: „скажите послѣ этого по чистой совѣсти, бѣдные народные учителя и учительницы, неужели хватить у насъ благороднаго духа (при чемъ тутъ „благороднаго“?) жаловаться на свою горькую долю, когда мѣръ переполненъ страданіями, когда стонетъ тотъ самый народъ, который платитъ налоги для нашего жалованья?“ И еще—„Какой смыслъ въ нашемъ учительскомъ нутъ, когда съ начала міра несетя къ небу одиъ всеобщій вопль, какъ душу надрывающій могучій аккордъ?“

Нужно разобратъ въ этихъ двухъ положеніяхъ Г. Послужившаго. По Г. Послужившему выходитъ, что у бѣдныхъ народныхъ учителей и учительницъ не должно хватить благороднаго духа жаловаться на свою горькую долю потому, что горько живетя солдату, взятому на службу по принужденію, горько живетя крестьянину въ его курной и тѣсной избѣ, горько наконецъ живетя и голодному нищему. Все это такъ; мы глубоко согласны съ Г. Послужившимъ, что всѣмъ упомянутымъ категориямъ людей живетя горько, но, хотя мы согласны съ нимъ въ этомъ, а все же отсюда совсѣмъ не слѣдуетъ, что „бѣднымъ народнымъ учителямъ и учительницамъ“ жаловаться на свою горькую долю не должно; скорѣе изъ сказаннаго имъ можно вывести другое заключеніе, а именно, что на тяжелую жизнь могутъ жаловаться и

*) „Отлики народнаго учителя и его досуги“, 1907 года, №№ 5 и 6, стр. 124—129.

солдаты, и крестьянинъ, и нищій, и „бѣдные народныя учителя и учительницы“ и даже, добавимъ мы отъ себя, вообще всѣ тѣ, кому жизнь не мать, а мачеха.

Другое его положеніе. Г. Послужившій спрашиваетъ: какой смыслъ въ нашемъ учительскомъ нытьѣ, когда съ начала міра несется къ небу всеобщій вопль и т. д. Что хотѣлъ сказать этимъ авторъ „Жалобъ“? То ли, что пока несется къ небу всеобщій вопль учителю не слѣдуетъ жаловаться на свою долю; то ли, что вообще никому, въ томъ числѣ конечно и учителямъ и учительницамъ, не слѣдуетъ слать къ небу воплей, потому что все равно это бесполезно. Но и то и другое приводитъ къ нелѣпнымъ выводамъ. Въ самомъ дѣлѣ—разъ жалуются всѣ, то почему же не жаловаться и учителю, который и по словамъ самого автора бѣденъ. Признать же вмѣстѣ съ Г. Послужившимъ, что наши вопли, т. е. наши усилия улучшить свою жизнь бесполезны, мы никакъ не можемъ: исторія противорѣчить подобному утвержденію слишкомъ наглядно. Можетъ быть авторъ статьи осуждаетъ только нытье, т. е. словесныя жалобы учителей на свою долю, и желаетъ, чтобы они отъ словъ перешли къ дѣлу? Но этого изъ статьи ни откуда не видно. На оборотъ вся статья направлена къ тому, чтобы доказать „одному учителю“, что разъ онъ влѣзъ въ хомутъ, то и долженъ терпѣливо идти въ немъ не обращая вниманія на то, что хомутъ растираетъ твои плечи до крови, что ты можешь въ этомъ хомутѣ задохнуться. Можетъ быть такіе взгляды и возвышенны, но тѣмъ не менѣ правъ и бѣдный учитель, желающій устроить свой хомутъ поудобнѣе, такъ что-бы онъ болѣе отвѣчалъ своимъ цѣлямъ. Спрашивается: что же хотѣлъ сказать своей возвышенной фразой Г. Послужившій? Не кажется ли вамъ, товарищи, что кромѣ фразы онъ ничего не сказалъ?

Далѣе Г. Послужившій пытается показать, что доля народнаго учителя не всегда страшна и безвыходна. Замѣтите: авторъ „Жалобъ“ говоритъ, что доля учителя не всегда страшна и безвыходна; этими словами онъ невольнo признался, что чаще всего она бываетъ именно и страшна и безвыходна. Но къ чему же тогда онъ началъ огородъ городить, пустился доказывать, что на это у учителя не должно хватить благороднаго духа? Но минуемъ это противорѣчіе и посмотримъ, какіе же выходы изъ ужаснаго положенія предлагаетъ намъ

авторъ „Жалобъ учителей“. Онъ рассказываетъ, что, чтобы не умереть съ голоду (замѣтите этотъ ужасъ), онъ долженъ былъ имѣть грошовые частные уроки, а въ своей школѣ заниматься „по росписанію“ съ 9 ч. до 1 ч. дня. Успѣхи, по его собственному признанію, не могли быть такими блестящими, какъ у нѣкоторыхъ учительницъ, которыя занимаются съ 8 ч. утра до 4 ч. дня, иногда и вечеромъ (къ чему этотъ непонятный экивокъ въ сторону учительницъ?). Такимъ образомъ по Г. Послужившему мы, чтобы выйти изъ нашего страшнаго положенія, должны, если возможно разумѣтся, набрать себѣ побольше частныхъ уроковъ, а въ школѣ заниматься „по росписанію“ и въ придачу къ такому благополучію сознавать, что успѣхи, достигаемые нами, не могутъ считаться блестящими. Неужели это выходъ? Неужели Г. Послужившему не стыдно предлагать такіе выходы? Вѣдь кажется всѣ вообще люди стараются о томъ, чтобы своею дѣятельностью достигать блестящихъ успѣховъ, а намъ Г. Послужившій говорить: не безпокойтесь, блестящихъ успѣховъ пусть достигаютъ „нѣкоторыя“ учительницы, а мы можемъ успокоиться и не на столь блестящихъ, за то мы нашли выходъ. Ну, какъ же послѣ этого не жаловаться на долю учителя, когда у него находятся такіе утѣшители! И какъ это самъ Г. утѣшитель не видитъ собственнаго противорѣчія. Самъ же онъ печалуетъ, какъ мы видѣли, о жизни солдата, крестьянина и нищаго и самъ же говоритъ, что можно обойтись и безъ блестящихъ результатовъ. И какъ съ занятіями „по росписанію“ и недостиженіемъ блестящихъ успѣховъ согласовать то, что онъ пишетъ далѣе: „Да и кромѣ того всѣ эти жалобы убиваютъ въ насъ же самихъ ту энергію и бодрость духа, которыя такъ нужны намъ для нашего святаго отвѣтственнаго дѣла“... То „успѣхи не могли быть блестящими“, то признаетъ нашъ трудъ святымъ и отвѣтственнымъ. Вѣдь это же противорѣчіе; тутъ взяты фальшивый тонъ. Я понимаю, что Г. Послужившему мѣшали достигать блестящихъ успѣховъ ужасныя условія, въ которыя поставленъ народный учитель, но тогда зачѣмъ же онъ пытается доказать, что это не ужасно, зачѣмъ онъ называетъ черное бѣлымъ, зачѣмъ онъ хочетъ загородить народному учителю путь къ улучшенію своего положенія, говоря: „какъ будто эгоистично съ нашей стороны жаловаться“?

Далѣ авторъ статьи говорить про высоко поднятую честную голову, про тяжелую работу въ нашихъ незапятнанныхъ рукахъ. Неужели онъ не понимаетъ, что всѣ эти прекрасныя слова, до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ достигать блестящихъ успѣховъ, служатъ только для сотрясенія воздуха. Я понимаю, что достигать блестящихъ успѣховъ можно только при извѣстныхъ условіяхъ, которыхъ еще нѣтъ у насъ и которыя нужно еще создать; понимаю, что нельзя учителя, которому грозитъ голодная смерть, заставлятъ достигать блестящихъ успѣховъ, но я не могу этимъ утѣшаться и оставаться довольнымъ, какъ Г. Послужившій. А разъ это такъ, то поневолѣ я буду протестовать противъ подобныхъ условій. Я долженъ говорить объ этомъ, жаловаться на такіе порядки, измѣнять ихъ насколько это въ моей власти, но не молчать. И если мнѣ Г. Послушившій говоритъ: утѣшься, твое положеніе не такъ ужъ ужасно, какъ тебѣ кажется это „въ мрачную осень“, то я бросаю ему обвиненіе, — что онъ нашего дѣла не считаетъ ни святымъ, ни отвѣтственнымъ.

Займемся теперь другимъ выходомъ изъ страшнаго положенія учителя, который рекомендуетъ авторъ „Жалобъ учителей“. Судите, читатели, сами, на сколько это выходъ. По его словамъ „ничего нѣтъ легче выписать изъ учительскаго института программу экзаменовъ на званіе учителя городского училища и учебники, которые проходятся въ томъ институтѣ, гдѣ хотите экзаменоваться“, потомъ приготовиться по этой программѣ, потомъ выдержать экзаменъ, потомъ получить мѣсто городского учителя. Вотъ и все; вотъ вамъ и выходъ. Авторъ статьи даже знаетъ одного учителя, который все это продѣлалъ. Жаль только, что авторъ не знаетъ, что часто учителю нѣтъ возможности готовиться даже помимо того, если онъ занимается не „по росписанію“; потомъ авторъ не выяснилъ и того, куда насъ будутъ дѣвать, когда всѣ мы, послушавшись Г. Послужившаго, станемъ готовиться къ экзаменамъ на городского учителя и выдержимъ ихъ.

Далѣ Г. Послужившій говоритъ еще: „Получается такое явленіе, что человѣкъ добьется того, что ищетъ, и начинаетъ ныть о своемъ бездолии. Вѣдь онъ же самъ себѣ создаетъ то положеніе, на которое жалуется“. Выводъ довольно неожиданный. Неужели сами учителя и учительницы создали свое ужасное положеніе? Не ошибается ли Г. Послужив-

шій, утверждая подобныя вещи? Позволительно спросить автора статьи: кто создалъ ему самому такое положеніе, что онъ, чтобы не умереть съ голоду, вынужденъ былъ набрать грошовыхъ уроковъ и заниматься „по росписанію“? Неужели самъ?

Еще немножко далѣе Г. Послужившій учить такъ: „Политическая экономія учить: если предложеніе труда превышаетъ спросъ, то цѣна на трудъ падаетъ, и наоборотъ чѣмъ ниже предложеніе передъ спросомъ, тѣмъ выше его цѣна... Слѣдовательно, пока будутъ охотники итти въ учителя, до тѣхъ поръ положеніе ихъ не можетъ на столько уллучшиться, какъ бы они желали“. Такъ ли это? Кажется, таже политическая экономія показываетъ, что не смотря на этотъ желѣзный законъ, рабочіе различныхъ отраслей промышленности все же добились и добиваются уллучшенія своей жизни (особенно на западѣ), хотя какъ извѣстно, и тамъ предложеніе труда превышаетъ спросъ на него. Г. Послужившій! политическую-то экономію создаютъ, какъ и многое другое, тоже люди.

Наконецъ не могу обойти молчаніемъ и тѣхъ доказательствъ, которыми Г. Послужившій старается обосновать справедливость своихъ положеній, что народному учителю жаловаться не слѣдуетъ. Онъ напоминаетъ намъ извѣстный анекдотъ объ Александрѣ Македонскомъ и Діогенѣ, но, Г. Послужившій, анекдотами никто еще не доказывалъ истинности своихъ положеній. Приводитъ затѣмъ слова Бориса Годунова, свидѣтельствующія о томъ, что и на высшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы нѣтъ счастья. Правда, положеніе Бориса Годунова было очень тяжелое, но несмотря на это, все же нельзя сравнивать его положенія съ положеніемъ безправнаго народнаго учителя, на котораго со всѣхъ сторонъ напираютъ всевозможныя бѣдствія и лишенія, которому часто грезитъ голодная смерть, а недоѣданіе приходится переживать кажется почти постыжно. Такъ что положеніе Бориса Годунова, кстати сказать не пережитое имъ можетъ быть совсѣмъ, а только воображаемое нами, представляется намъ доказательствомъ не убѣдительнымъ.

Въ концѣ концовъ невозможно становится понять, зачѣмъ Г. Послужившій писалъ свою статью „Жалобы учителей“ и что хотѣлъ онъ сказать. Разъ онъ и самъ признаетъ,

что положеніе учителя ужасно, то какъ же спрашивается, не жаловаться? Если онъ недоволенъ учителями и учительницами за то, что они только ноютъ, а ничего не дѣлаютъ для улучшенія своего положенія, то объ этомъ онъ ничего нигдѣ не сказалъ. Да еслибы и сказалъ, то это было бы неправильно: учителя и учительницы не только говорятъ, но и дѣлаютъ. Наконецъ если онъ хотѣлъ доказать, что учителю не слѣдуетъ жаловаться потому, что есть цѣлые классы людей, которымъ живется еще хуже чѣмъ учителю, то отсюда, повторяемъ, совсѣмъ не слѣдуетъ, что учитель обязанъ молчать о своихъ нуждахъ, потомучто вѣдь и этихъ другихъ никто не лишаетъ права заявлять о своихъ нуждахъ и добиваться улучшенія своей жизни.

И. М—овъ.

на журналъ „Отклики народнаго учителя
и его досуги“.

Журналъ служитъ для обмѣна мыслей между учителями низшей и начальной школы. Въ немъ печатаются только статьи учителей и учительницъ (настоящихъ и бывшихъ) училищъ начальныхъ всѣхъ наименованій и городскихъ по положенію 1872 года. Отъ постороннихъ принимаются лишь письма въ редакцію по поводу помѣщенныхъ уже въ журналѣ корреспонденцій.

Подписная цѣна журнала **четыре рубля** въ годъ съ доставкой и пересылкой.

Учителя и учительницы приглашаются заблаговременно присылать свои статьи по вопросамъ, интересующимъ народнаго учителя, сообщенія о выдающихся явленіяхъ въ жизни народной школы, разборы вновь выходящихъ книгъ для употребленія въ народныхъ училищахъ, воспоминанія, записки, дневники и т. п.

Каждая статья должна быть снабжена подписью, подъ которою авторъ желаетъ опубликовать ее (полная фамилія, инициалы, псевдонимъ и т. п.), и сверхъ того къ ней должно быть приложено (для свѣдѣнія редакціи) сообщеніе объ имени, отчествѣ и фамиліи автора и его почтовомъ адресѣ. Безъ соблюденія этого условія рукописи не только печататься, но даже и просматриваться редакціей не будутъ. Разборы вновь выходящихъ книгъ будутъ печататься только за полной подписью авторовъ.

Статьи и подписныя деньги слѣдуетъ адресовать: въ Вологду редактору—издателю журнала „Отклики народнаго учителя и его досуги“ Аванасію Фодоровичу Знаменскому.

Имѣя въ виду понизить подписную цѣну журнала по мѣрѣ его распространенія, мы въ видѣ переходной мѣры къ значительно пониженной цѣнѣ предлагаемъ нашимъ подписчикамъ слѣдующее:

1. Подписавшіеся до 31 Декабря на оба года (1907 и 1908) присылаютъ за оба года *семь рублей*.

2. При одновременной подпискѣ изъ какого—нибудь уѣзда (черезъ инспектора, черезъ земскую управу или черезъ кого-либо изъ учителей) на двадцать пять экземпляровъ или болѣе высылается по три рубля (адресы подписчиковъ слѣдуетъ въ такихъ случаяхъ присылать въ особомъ письмѣ). Названія такихъ уѣздовъ будутъ публиковаться, и затѣмъ уже и отдѣльные подписчики изъ этихъ уѣздовъ высылаютъ по три рубля.

Мы надѣемся, что вполнѣдствіи можно будетъ еще понизить цѣну. Все зависитъ отъ числа печатаемыхъ и рассылаемыхъ экземпляровъ.

Редакторъ—издатель А. Знаменскій.

С.-Петербургъ.

Открыта подписка на новую еженедѣльную педагогическую и литературно-общественную газету, посвященную вопросамъ образованія и трудового воспитанія въ семьѣ и школѣ

„Жизнь и Школа“

Газета ставитъ своей задачей распространение прогрессивныхъ педагогическихъ идей среди дѣятелей школы, родителей учащихся и широкихъ слоевъ русскаго общества, а также освѣщеніе жизни и труда педагоговъ, общественныхъ и профессиональныхъ организацій, служащихъ цѣлямъ низшаго, средняго и высшаго образованія, какъ школьнаго, такъ и внѣшкольнаго.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: С. В. Аникинъ, прив.-доц. П. А. Баратынскій, С. Ю. Блуменау, проф. И. А. Бодуэнъ-де Куртенэ, проф. А. К. Бороздинъ, И. А. Бунинъ, проф. В. А. Вагнеръ, П. И. Вейнбергъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, В. А. Волковичъ, прив.-доц. В. В. Володкевичъ, Н. М. Глаголева, проф. И. М. Гревсъ, проф. Э. Д. Гриммъ, С. М. Глаголева-Данини, Э. К. Данини, Н. С. Державинъ, Я. И. Душечкинъ, С. А. Золотаревъ, Н. С. Карцевъ, И. П. Козловскій, проф. Н. И. Карѣевъ, Н. И. Коробка, прив.-доц. А. Э. Лане, проф. П. Ф. Тесгафтъ, А. Л. Липовскій, В. С. Лихачевъ, прив.-доц. Н. О. Лосскій, ад.-проф. Н. Н. Ляминъ, Н. О. Нестеровъ, прив.-доц. А. П. Нечаевъ, А. Л. Никитинъ, Н. Н. Окуловъ (Тамаринъ), проф. Л. І. Петражицкій, свящ. Григорій Петровъ, Н. И. Позняковъ, проф. К. А. Поссе, Н. А. Рубакинъ, С. Ф. Русова, прив.-доц. В. Н. Сперанскій, З. К. Столица, академикъ кн. И. Р. Тархановъ, Н. Д. Телешовъ, д-ръ М. С. Уваровъ, проф. Г. В. Хлопинъ, Н. В. Чеховъ,, Евг. Н. Чириковъ, проф. В. М. Шимкевичъ, С. И. Шохоръ-Троицкій, Г. К. Штембергъ. И. Л. Щегловъ и др.

Программа газеты:

- I. Руководящія и оригинальныя статьи по вопросам школьнаго и внѣшкольнаго образованія.
- II. Рефераты и обзоры изъ русской и иностранной педагогической литературы.
- III. Художественно-литературный отдѣлъ.
- IV. Оффиціальныи отдѣлъ.
- V. Корреспонденціи и хроника.
- VI. Критика и библіографія.
- VII. Почтовый ящикъ.
- VIII. Справочный отдѣлъ.
- IX. Объявленія.

Въ этихъ отдѣлахъ будутъ помѣщаться статьи и сообщенія, касающіяся низшаго, средняго и высшаго образованія, школьнаго и внѣшкольнаго; общихъ вопросовъ педагогикъ, физическаго воспитанія и школьной санитаріи; дѣятельности государственныхъ и общественныхъ учреждений въ области образованія (Гос. Думы, земствъ и городовъ); учительскихъ организацій и просвѣтительныхъ обществъ, родительскихъ кружковъ и комитетовъ; организаціи профессиональнаго образованія; устройства публичныхъ курсовъ и лекцій, воскресныхъ и вечернихъ классовъ, народныхъ университетовъ, библіотекъ и читаленъ, книжныхъ складовъ, музеевъ, выставокъ по народному образованію, образовательныхъ экскурсій и дѣятельности спортивныхъ обществъ и кружковъ.—Особое вниманіе газета удѣлитъ вопросамъ народнаго образованія въ Россіи и за границей, стараясь отмѣчать недостатки въ его постановкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ указывать, при какихъ условіяхъ оно могло бы отвѣчать современнымъ требованіямъ жизни.—Газета приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы въ надлежащей степени освѣщать правовое и матеріальное положеніе учащихся и способствовать ихъ объединенію.—Придавая важное значеніе частной инициативѣ въ дѣлѣ образованія, газета будетъ отмѣчать всякое новое теченіе въ этой области.— Широко будетъ поставленъ отдѣлъ учительскихъ корреспонденцій и сообщеній.—Газета будетъ сообщать о всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ явленіяхъ въ области законодательства по народному образованію и научно-педагогической литературы, а также будетъ

давать всякаго рода справки и указанія практическаго характера по вопросамъ школьнаго и внѣшкольнаго образованія.

Подписная цѣна: на годъ 2 руб. 50 коп., на полгода—1 р. 25 коп. съ доставкой и пересылкой.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи и въ крупныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Г.г. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію: С.-Петербургъ, Забалканскій пр., д. 22, Гимназія Г. К. Штемберга. Телефонъ № 265—64.

Первый № выйдетъ 15 Октября 1907 г.

Подписавшіеся до 1 Января 1908 г. получать бесплатно всѣ номера, вышедшіе въ 1907 году.

Редакторъ Г. К. Штембергъ.

Открыта подписка на 1908 годъ
на журналъ
ДЛЯ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ.

Изданія годъ II.

ОРГАНЪ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЬСТВА.

Выходитъ 20 разъ въ годъ книжками отъ 2—4 листовъ.

Журналъ ставитъ своей задачей содѣйствовать объединенію работниковъ по народному образованію для достиженія наибольшей успѣшности въ ихъ работѣ. Народные учителя, руководители и преподаватели школъ и курсовъ для взрослыхъ, попечители школъ, завѣдующіе народными библиотеками, аудиторіями, книжными складами и другими образовательными учрежденіями—вотъ тѣ работники на мѣстахъ, участіе которыхъ на страницахъ журнала признается особенно цѣннымъ. Журналъ сообщаетъ о всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ явленіяхъ въ области законодательства по народному образованію, научно-педагогической литературы и общедоступной литературы, по всѣмъ отраслямъ знаній, практической дѣятельности общественныхъ учреждений и частныхъ союзовъ, а также даетъ всякаго рода справки и указанія практическаго характера по вопросамъ школьнаго и вѣтшкольнаго образованія.

Въ журналъ принимаютъ участіе: Д. Н. Анучинъ, В. А. Анзимировъ, К. В. Аркадакскій, С. М. Блекловъ, Я. В. Борисовъ, И. Н. Бороздинъ, Ю. А. Бунинъ, И. П. Бѣлоконскій, Ч. Вѣтринскій, А. Ѳ. Гартвигъ, Н. Н. Ге, А. К. Дживелеговъ, Н. Ф. Езерскій, А. В. Заремба, А. У. Зеленко, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Іорданскій, В. Е. Игнатьевъ, И. Н. Игнатовъ, П. Н. Казанцевъ, Н. В. Касаткинъ, С. А. Князьковъ, С. Г. Крапивинъ, И. О. Левинъ, А. А. Локтинъ, А. А. Мануиловъ, Э. Э. Маттернъ, П. Е. Мельгунова, С. П. Мельгуновъ, Н. М. Мельденсонъ, С. П. Моравскій, Ѳ. Ѳ. Нелидовъ, Н. М. Никольскій, И. И. Поповъ, А. С. Пругавинъ, В. А. Розенбергъ, В. В. Ротъ, Н. А. Рубакинъ, Л. Н. Рутценъ, П. Н. Сакулинъ, И. Н. Сахаровъ, Е. И. Смирновъ, М. X. Свентицкая, Б. И. Сыромятниковъ, С. О. Сѣрополко, А. А. Титовъ, М. Ѳ. Тихомировъ, В. М. Устиновъ, Г. А. Фальборкъ, Л. Б. Хавкина, Н. В. Чеховъ, В. И. Чарнолуцскій, кн. Е. И. Шаховскій, В. А. Щерба, В. Е. Якушкинъ, Д. О. Ярошевичъ.

Подписная цѣна на журналъ 2 р. въ годъ и 1 р. на полгода.

Цѣна отдѣльной книжки 10 коп.

Адресъ редакціи: Москва, Полянка, Успенскій пер. д. 8, кв. 2.

Редакторы-издатели Н. В. Тулуповъ и Н. М. Шестаковъ.